

Санаторий настроений

Влад Велирский

Влад Велирский

Санаторий настроений

«Автор»

2026

Велирский В.

Санаторий настроений / В. Велирский — «Автор», 2026

Осенью 1988 года инженер-реставратор Нина Веденеева приезжает в отрезанный селом горный санаторий «Ясень» после тревожной телеграммы пропавшей сестры: «Не верь спокойствию». В старом корпусе стены странно меняют чувства людей, медицинские карты противоречат друг другу, а семья главного врача готовит коллективный сеанс для комиссии. Нине предстоит понять, как сырость, вентиляция и экспериментальная облицовка превращают чужое состояние в собственную уверенность, найти Лиду и собрать доказательства прежде, чем санаторий заставит свидетелей согласиться с удобной версией. Но даже разоблачение не даст простого ответа: если человеку действительно становится легче, имеет ли кто-то право скрыть от него цену этого покоя? «Санаторий настроений» — атмосферный мистический триллер и детектив о свободе чувств, семейной власти и правде, которую приходится проверять поступками.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Путёвка без просьбы	6
Глава 2. Комната покоя	11
Глава 3. Тихий час	16
Глава 4. Семейная смена	23
Глава 5. Сырая плитка	28
Глава 6. Карта с чистым пульсом	33
Глава 7. Ночной обход	38
Глава 8. Чужая вина	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Влад Велирский

Санаторий настроений

От автора

Иногда чувство приходит раньше объяснения. Сердце ускоряется в спокойной комнате, рядом с доброжелательным человеком становится неудобно, а решение, которое вчера казалось невозможным, внезапно приносит облегчение. Мы ищем причину и почти всегда находим её: в собеседнике, воспоминании, погоде, собственной слабости или чужой вине. Найденное объяснение может оказаться верным. Но само переживание ещё не доказывает его.

«Санаторий настроений» вырос из вопроса о том, кому принадлежит чувство, если условия для него создал кто-то другой. Не мысль, не воспоминание и не приказ, а телесную готовность доверять, бояться, стыдиться или сердиться. Достаточно ли человеку искренне переживать спокойствие, чтобы любое принятое в нём решение считалось свободным? Можно ли назвать помощью облегчение, о происхождении которого пациенту не сообщили?

Это художественный роман. Санаторий «Ясень», Институт климатической регуляции, описанные исследования и действующие лица вымышлены. Психокерамическая облицовка не существует и не является медицинским методом. Реальные переживания, тревога, аритмия или потеря ориентации требуют не разгадки по правилам триллера, а бережного отношения и, когда это необходимо, помощи квалифицированных специалистов.

Действие происходит в 1988 году, но книга не пытается вынести приговор эпохе целиком. Закрытое учреждение здесь важно не как музей узнаваемых вещей, а как система, где забота, научная амбиция, семейная верность и административная власть оказались связаны слишком тесно. Люди внутри неё не делятся на тех, кто способен чувствовать, и тех, кто способен только управлять. Они боятся последствий, защищают спасённое, скрывают цену и называют необходимостью то, к чему успели привыкнуть.

Главная героиня привыкла доверять материалу, измерению и профессиональному навыку. Ей предстоит расследовать место, которое делает само ощущение уликой — и одновременно ставит эту улику под сомнение. Поэтому у загадки есть физические следы, сроки, повторяющиеся условия и человеческие решения. Важные ответы не требуют принять необъяснимое на веру: они складываются из того, что можно заметить, сопоставить и проверить.

Эту книгу лучше читать, сохраняя внимание к малым несовпадениям. Кто первым называет чужое состояние? В каких комнатах открывают окна? Почему одинаковое облегчение приводит разных людей к разным выводам? И что остаётся от доброго намерения, если человеку не дали узнать цену?

Ответы принадлежат истории. Право испытывать к ним собственные чувства остаётся у читателя.

Глава 1. Путёвка без просьбы

Автобус высадил Нину у каменного столба за десять минут до дождя.

Водитель поставил чемодан в бурую кашу у обочины и показал вверх, на кремовый фасад между мокрых елей.

— «Ясень». Полтора километра. Поторопитесь: склон гудит.

Автобус ушёл вниз. Нина осталась одна с чемоданом и телеграммой во внутреннем кармане плаща.

В телеграмме было: «НИНА ПРИЕЗЖАЙ ЯСЕНЬ СРОЧНО НЕ ВЕРЬ СПОКОЙСТВИЮ ЛИДА».

На почте в Москве отправителя не назвали. В институте подтвердили лишь, что Лида в командировке; только на четвёртом звонке другая сотрудница проговорила про высокогорный опытный корпус. В тот же вечер Нина села в поезд.

Она не просила путёвку. И всё же в районной регистратуре её имя оказалось в списке прибывающих — с «переутомлением» и оплаченными двадцатью четырьмя днями отдыха. Бумагу оформили за неделю до телеграммы.

Подъёмная дорога шла вдоль склона, изрезанного свежими ручьями. На внутреннем откосе через каждые пятьдесят шагов торчали геодезические колышки с красными тряпицами. Некоторые наклонились в одну сторону, словно трава после ветра.

На втором повороте она услышала гул, будто под дорогой работал двигатель. Столбик ограды дрожал под ладонью.

Через минуту дрожь исчезла. Остался только дождь: редкий сперва, затем густой, холодный.

«Ясень» стоял на искусственной террасе: старый трёхэтажный корпус с портиком, две поздние галереи и башня водолечебницы. Подновлённая кремовая штукатурка уже покрылась тёмными потёками.

Нина поднялась под козырёк и заметила первое несоответствие. Ступени были сухими, а плитка у двери блестела влагой. Не водой, принесённой обувью: тонкая испарина выступала из швов ровной сеткой. Бирюзовые квадраты размером с ладонь имели кракелюр, слишком глубокий для облицовки, уложенной, судя по цементу, лет десять назад.

Она провела пальцем по одному шву. Затирка оказалась тёплой.

Дверь распахнулась прежде, чем Нина успела вытереть руку.

— Вы Веденеева?

Женщине было около пятидесяти. Светлые волосы лежали неподвижной волной, белый халат застёгнут до горла, на нагрудной табличке значилось: «В. А. Ратманова, заведующая хозяйственной частью». Она посмотрела сначала на Нину, потом на чемодан, словно сопоставляла прибывшую с описью.

— Нина Сергеевна. Я приехала к сестре.

— Конечно. Проходите, вы промокли. Вера Аркадьевна. Мы вас ждали завтра.

— Я не сообщала, что приеду.

Вера Аркадьевна на мгновение задержала руку на дверной створке.

— Вас внесли в заезд. Вероятно, институт оформил всё заранее.

В вестибюле пахло мокрой шерстью, хлоркой и яблоками. По стенам шла та же бирюзовая плитка. У регистратуры через каждые семь рядов шов смещался на половину квадрата — не декор, а обход скрытого препятствия.

Из-за стены доносился низкий гул вентилятора. Лопасти вращались неровно: длинный тон, короткая пауза, снова тон. От этого начинало давить под рёбрами. Нина работала в концертных залах и знала, что частота, которую почти не слышишь, выдаёт себя телом — дро-

жью стекла, тяжестью в груди, внезапной усталостью. Здесь стеклянные колпаки светильников оставались неподвижны. Значит, звук шёл не через воздух или источник был встроен в стену.

— У вас вентиляция всегда так работает? — спросила она.

Вера Аркадьевна уже снимала с крючка ключ.

— Как?

— С провалом через каждые четыре секунды.

Женщина прислушалась, вежливо улыбнулась:

— Я ничего не слышу. Горный водопровод капризничает, возможно, трубы.

За стойкой девушка в синем форменном платье переписывала фамилии из толстой книги.

Увидев гостью, она закрыла книгу ладонью.

— Тамара, оформите Нину Сергеевну в двести шестнадцатую.

— Двести шестнадцатая занята, — тихо ответила та.

— Уже свободна.

Тамара испугалась собственного возражения и потянулась за карточкой.

Нина положила на стойку паспорт, но руку не убрала.

— Сначала скажите, где Лида.

Перо Тамары остановилось над строкой.

Вера Аркадьевна вздохнула с хорошо отмеренным сочувствием:

— Боюсь, вы разминулись. Лидия Сергеевна уехала.

— Когда?

— Позавчера утром. На институтской машине.

— Куда?

— Насколько я понимаю, домой.

— Домой она не приезжала. В институте её считают в командировке.

— Это уже вопрос к институту. У нас она завершила работу.

Нина достала телеграмму. Бумага успела размякнуть по краям, но буквы не расплылись.

— Это отправлено вчера в шестнадцать десять из вашего района.

Тамара быстро опустила глаза. Вера Аркадьевна телеграмму не взяла.

— Район большой. Отправить мог кто угодно. А подпись, согласитесь, ещё не доказательство.

— Вы знали, что я Веденева, до того, как увидели паспорт.

— Я видела список заезда.

— Которого не просила.

— Возможно, сестра хотела сделать вам подарок.

Тишину заполнил вентиляционный тон. Нина вдруг почувствовала нелепость своего приезда: сутки в поезде из-за телеграммы, которую мог отправить любой человек. Следовало разбираться из Москвы, а не допрашивать женщину, которая просто выполняла работу.

Мысль была разумной. Облегчение, пришедшее вместе с ней, — нет.

Оно прокатилось от груди к плечам, тёплое и почти благодарное. Нина почувствовала, как пальцы разжались на паспорте. Дорога назад представилась простой: переночевать, утром спуститься к автобусу, разбираться из Москвы. Лида всегда умела устроить тревогу из ничего. В детстве исчезала на полдня, чтобы проверить, станут ли её искать.

Нина прижала ноготь к краю бланка. Боль вернула подробности: «не верь спокойствию», тёплая затирка, закрытая регистрационная книга.

— Покажите журнал выезда, — сказала она.

Облегчение не исчезло, но теперь ощущалось как чужая тяжёлая ладонь на затылке.

— Вы не представитель надзорного органа и не опекун совершеннолетней сестры. У нас медицинское учреждение, сведения у стойки не выдаются.

— Тогда позовите главного врача.

— Лев Аркадьевич на процедуре. Он поговорит с вами за ужином.

Из глубины корпуса донёлся звонок. В вестибюль вошли отдыхающие, почти все с одинаковой рассеянной улыбкой. Седой старик с пустой шахматной доской задержался возле Нины, произнёс: «Новая сырость» — и послушно ушёл по указанию Веры Аркадьевны.

Тамара протянула регистрационную карточку: направил институт, профиль — заболевания нервной системы, дата выдачи — семь дней назад.

— Кто заполнил диагноз?

— Это не диагноз, а профиль отделения, — быстро сказала Тамара.

— У меня нет заболеваний нервной системы.

— Переутомление бывает у каждого. Отдохните, потом мы спокойно всё выясним, — сказала Вера Аркадьевна.

Снова это слово. Спокойно.

На обороте фиолетовым карандашом было написано: «родственница лаб. В., акустик». Последнее слово обвели дважды. Лида никогда так не называла её профессию: для сестры Нина была человеком, который чинит театры.

Она сложила карточку и убрала вместе с телеграммой.

— Я осмотрю номер. Паспорт останется у меня.

— Тогда не оформляйте. Я приехала не лечиться.

— Пусть пока будет так. С дороги люди иногда нуждаются в ощущении контроля, — сказала Вера Аркадьевна.

Здесь уже решили, какое ощущение ей требуется.

Они поднялись по лестнице. На площадке стоял бюст: «А. Л. Ратманов. Основатель экспериментального климатического комплекса».

У бюста плитка была другой партии. Нина постучала по трём квадратам; третий дал низкий пустой звук.

— Что вы делаете? — спросила Вера Аркадьевна.

— Проверяю, почему облицовка отходит.

— Она не отходит.

— Под этим квадратом пустота.

— Там коммуникационный канал. Здание экспериментальное, разводка нестандартная.

— В канале работает вентилятор?

— Я уже сказала: водопровод.

Нина выпрямилась. На уровне её лица в затирке тянулась волосная трещина. Края трещины были влажными, хотя лестничное окно плотно закрыто и никаких труб поблизости не значилось. Она поднесла к шву тыльную сторону пальцев и почувствовала тепло.

В этот момент гул оборвался.

Воздух словно стал выше. Облегчение, сопровождавшее Нину от регистратуры, исчезло так быстро, что под ним обнаружилась усталость, злость и ясный страх за сестру. Тамара шумно вдохнула. Вера Аркадьевна посмотрела на потолок.

— Вот видите, — сказала Нина. — Не водопровод. Когда перекрывают воду, стены не перестают звучать одновременно.

— Вы слышите больше, чем большинство людей.

— Это моя работа.

Гул вернулся сначала в левом крыле, затем под лестницей. Нина запомнила ритм. Вентиляцию обычно вели под потолком или в шахтах; здесь распределительную систему почему-то опустили на высоту человеческого тела.

У двести шестнадцатой Тамара замешкалась, хотела заменить бельё, но под взглядом Веры Аркадьевны отдала полотенца Нине. Её пальцы были ледяными.

В одноместной комнате бирюзовая облицовка покрывала стену у изголовья и уходила за шкаф. Шторы были задёрнуты, батарея горячая.

Нина сразу открыла окно.

В комнату ворвались дождь и запах хвои. Вера Аркадьевна шагнула к раме:

— Проветрите пять минут, не больше. Влажность мешает процедурам.

Нина оглянулась на блестящую плитку.

— Каким процедурам в спальне?

— Климатическим. Само пребывание здесь — часть режима.

Снаружи прогремело. Не гром: звук был слишком долгим и шёл снизу вверх. Стёкла задребезжали. Тамара бросилась к окну, но Вера Аркадьевна остановила её рукой.

На противоположном склоне, между елями, медленно поползла полоса земли. Сначала Нина приняла её за поток воды. Потом одна ель наклонилась, осталась на миг под невозможным углом и исчезла вместе с пластом дёрна. Бурая масса пошла по ложбине, набирая ветки и камни.

— Сель, — сказала Тамара.

— Небольшой, — отрезала Вера Аркадьевна. — До корпуса не дойдёт.

До корпуса поток действительно не шёл. Он пересекал нижнюю дорогу — ту единственную ленту, по которой час назад поднялась Нина.

Из вестибюля донёсся частый звон. По коридору пробежал мужчина в серой спецовке, затем ещё двое. Вера Аркадьевна вышла, приказав Тамаре остаться, но Нина последовала за ней.

У главного входа уже собрались люди. Двери держали закрытыми. Через стекло было видно, как за террасой поднимается рыжая пыль, мгновенно прибитая дождём. Телефон на стойке звонил без ответа.

— Отойдите от окон! — крикнул мужчина в спецовке. — Второй язык может пойти по водосбору.

— Григорий, без паники, — сказала Вера Аркадьевна.

— Какая паника? Нижнюю дорогу сняло до подпорной стенки. Столбы легли.

Он заметил Нину и осёкся. Это был широкоплечий мужчина лет сорока с мокрыми волосами и серой щетиной. На поясе висела связка квадратных ключей, похожих на ключи от вентиляционных шкафов.

— Когда можно будет проехать? — спросила Нина.

— Если верхняя полка цела, трактор расчистит за день.

— Не расчистит, — сказал кто-то у дверей.

Седой шахматист прижал пустую доску к груди. Его мягкая улыбка исчезла.

— Там склон гудел с утра. Он ещё не лёг.

Новая дрожь прошла через пол. На этот раз её почувствовали все: люстра качнулась, в шкафу за стойкой зазвенели стаканы. Снаружи раздался глухой удар. За деревьями поднялся ещё один бурый вал, шире первого. Он ударил в дорогу, перевалил через ограждение и потащил вниз два бетонных пролёта. Телефон перестал звонить. Свет мигнул и погас.

На несколько секунд вестибюль наполнили крики. Кто-то толкнул дверь, кто-то потребовал вывести людей во двор. Потом включились аварийные лампы — тусклые, красноватые. Одновременно ожил низкий гул в стенах.

Крики оборвались один за другим, будто дирижёр опустил руку.

Паника в груди разгладилась. Разбитая дорога перестала казаться бедствием. Семь дней, подумала Нина без всякого основания. Здесь тепло, есть еда, врачи. Лида уехала. Можно подождать.

Рядом Тамара сжала мокрые полотенца и улыбнулась.

Григорий выругался вполголоса и приложил квадратный ключ к щитку у стены. Вера Аркадьевна перехватила его запястье.

— Не сейчас.

— Контур сам включился.

— Я сказала: не сейчас.

Нина слышала их, потому что продолжала считать интервалы. Четыре секунды тона, одна секунда провала. При каждом новом тоне спокойствие усиливалось, не меняя ни одного факта за дверью.

Она вынула из кармана телеграмму и расправила её на стойке.

НЕ ВЕРЬ СПОКОЙСТВИЮ.

Буквы дрожали вместе с её рукой.

— Где Лида? — спросила Нина.

Вера Аркадьевна отпустила запястье Григория и повернулась. В аварийном свете её лицо казалось усталым, но несколько не испуганным.

— Я уже ответила. Ваша сестра уехала позавчера.

— По этой дороге?

— По этой.

— Тогда покажите журнал. И назовите водителя.

Григорий смотрел в пол. Тамара перестала улыбаться.

Вера Аркадьевна сделала шаг к Нине. Между ними оставался только стойкий запах нагретой влажной керамики.

— Сейчас важнее, чтобы вы не тревожили пациентов. Связь оборвана, дорога разрушена, погода ухудшается. До прибытия районной службы никто не покинет санаторий.

— Даже тот, кто, по вашим словам, уже покинул его?

Впервые в лице Веры Аркадьевны что-то изменилось. Не страх и не злость — быстрый расчёт, словно она выбирала, какую дверь закрыть первой.

За стеклом ещё двигалась земля. Там, где утром стояли колышки с красными тряпицами, теперь лежал широкий блестящий шрам. Дороги больше не было.

Нина сложила телеграмму по старым сгибам и убрала во внутренний карман.

Она приехала искать сестру. Теперь искать предстояло внутри.

Глава 2. Комната покоя

Когда аварийные лампы погасли и вернулся обычный свет, Вера Аркадьевна велела всем разойтись по номерам.

Она не повысила голоса. В этом не было необходимости. Отдыхающие послушно потянулись к лестнице, обходя опрокинутую подставку для зонтов и мокрые следы Григория. Никто больше не требовал открыть двери. Женщина в вязаной кофте, минуту назад плакавшая у телефона, поправила волосы перед зеркалом. Седой шахматист снова улыбался и нёс свою пустую доску под мышкой.

Нина осталась у стойки.

— Журнал, — напомнила она.

— После ужина Лев Аркадьевич ответит на ваши вопросы, — сказала Вера Аркадьевна. — Сейчас персонал занят аварией.

За её спиной Тамара поднимала рассыпанные карточки. Одну она сунула под журнал слишком быстро, будто прятала не бумагу, а руку.

— Авария снаружи. Журнал здесь.

— Именно поэтому вы не должны отвлекать людей. Вам приготовили комнату. Отдохните.

Последнее слово совпало с новым тоном в стене. Не громким — его можно было принять за работу трансформатора. Тело Нины приняло его раньше слуха: плечи опустились, язык перестал искать следующий вопрос. Спор показался мелким и дурно воспитанным. Вера Аркадьевна была права хотя бы в одном: сначала следовало снять мокрое пальто.

Нина прижала ладонь к внутреннему карману. Под тканью хрустнула телеграмма.

— После ужина, — повторила она, чтобы обещание прозвучало при Тамаре и Григории.

Вера Аркадьевна кивнула так, словно отсрочку предложила сама.

До второго этажа Нина поднялась одна. На площадке остановилась у пустого квадрата облицовки, по которому постучала раньше. Теперь плитка была прохладнее, но из шва над ней выступила капля. Капля медленно набухла, поймала свет и втянулась обратно, когда за стеной изменился гул.

Комната 216 встретила её тишиной. Шторы по-прежнему были раздвинуты, окно открыто. Дождь намочил подоконник и край половика. В холодном воздухе пахло еловой корой и свежей землёй со склона. Нина закрыла дверь на ключ, подложила под ручку чемодан и только тогда сняла пальто.

Телеграмму она положила на стол текстом вверх.

НЕ ВЕРЬ СПОКОЙСТВИЮ.

Пока окно оставалось открытым, фраза казалась точной. У Нины дрожали пальцы. Она злилась на Веру, на молчание Тамары, на себя за то, что позволила отправить себя наверх. За окном в дождевой мгле лежал перерезанный склон. В ложбине ещё двигалась жидкая глина, а на месте дороги блестела широкая рана.

Под её окном тянулся узкий козырёк, далеко справа — пожарная лестница. Внизу Григорий с рабочими разматывал канат возле упавшего столба. Выбраться сейчас было нельзя. Следовало осмотреть номер до того, как здесь успеют что-нибудь убрать.

Мысль была ясной. Но Нина закрыла окно.

Она сделала это не после решения, а как будто продолжила чужой жест. Рама прижалась к уплотнению, шум дождя сразу отступил. Стало слышно, как в стене у изголовья работает низкий контур: длинная ровная нота, короткая пауза.

Тепло вернулось быстро. Вместе с ним пришло облегчение.

Сначала оно было похоже на простую благодарность замёрзшего тела. Перестала дрожать челюсть, согрелись ладони. Затем исчезло чувство срочности. Лида пропала не сегодня. Если она сумела отправить телеграмму, значит, по крайней мере вчера была жива и действовала самостоятельно. В санатории находились десятки людей, никто не кричал о помощи. Вера Аркадьевна обещала разговор с главным врачом. Даже разрушенная дорога давала Нине законную передышку: никто не мог требовать от неё немедленного решения.

Она села на кровать.

Матрас принял тело мягко и без скрипа. На тумбочке лежала библиотечная книга в серой обложке, раскрытая на середине. Нина не посмотрела названия. Её взгляд остановился на полоске света между портьерами, и несколько минут она просто слушала стену.

Четыре секунды тона. Одна секунда тишины.

На пятом или шестом повторе мысль о поисках показалась почти смешной. В детстве Лида однажды спряталась на чердаке, чтобы проверить, кто станет её искать. Наверное, нынешняя телеграмма была такой же проверкой.

Нина легла поверх покрывала и закрыла глаза.

Покой не был пустотой. Он предлагал удобные объяснения: Лида уехала на другой машине, Тамара ошиблась, сырость означала плохую изоляцию, а замолчавшей толпе стало стыдно за панику.

Каждое объяснение по отдельности было возможно. Вместе они укладывали её на кровать надёжнее ремней.

Нина открыла глаза. Телеграмма лежала в трёх шагах, но встать за ней не хотелось.

Тогда она сделала то, чему учила молодых реставраторов перед первым обследованием аварийного зала: не доверять общему впечатлению, пока не записаны наблюдаемые признаки.

Она произнесла вслух:

— Окно закрыто. Контур работает. Мне легче, хотя обстоятельства ухудшились.

Собственный голос прозвучал лениво, но слова вернули последовательность событий.

— При остановке контура в вестибюле облегчение исчезло. При включении вернулось у всех. Лида написала не верить спокойствию.

Нина заставила себя сесть. Пульс был ровным, дыхание глубоким. Никакого дурмана, головокружения или спутанности. Напротив, тело сообщало, что наконец находится в безопасности. Именно поэтому сообщение было подозрительным.

Она встала, открыла окно и засекала время по наручным часам.

На первой минуте ничего не изменилось. На второй холод коснулся щиколоток. На третьей вернулась тяжесть в груди, а вместе с ней — раздражение оттого, что Вера не назвала водителя. На четвёртой Нина снова увидела комнату как место, где до неё жил кто-то другой: вмятина на подушке, серп пыли под шкафом, чужая книга, одна царапина на внутренней стороне двери.

Она закрыла окно.

Через две минуты тревога снова потеряла края.

Нина повторила опыт. Результат совпал. В пальто она не мёрзла, однако при открытой раме способность удерживать неприятную мысль возвращалась. Данных для объяснения было мало, но зависимость существовала.

Она вынула из чемодана рабочий пенал. В поездку к сестре Нина не брала приборов, зато привычно положила складной нож, лупу, тонкую стальную линейку, мел, карандаш и маленький резиновый молоток. Таможни между Москвой и горами не было, а здание, по словам Лиды, нуждалось в совете реставратора.

На бирюзовой стене при косом свете обнаружили круги, переходившие с плитки на плитку. Рисунок создавали после укладки или он проступал из основания. Каждый восьмой шов был шире, будто скрывал крепёжную полосу.

Она постучала резиновым молотком.

Бирюзовая плитка у изголовья давала длинный призыв, будто за ней оставили полость. Через каждые четыре ряда звук менялся. Нина отметила мелом сеть прямоугольников; в их середине рукоять молотка дрожала сильнее.

Она приложила к плитке тыльную сторону пальцев. В центре было теплее, чем у края. Батарея стояла под окном и не могла нагревать стену равными островками. Труба отопления дала бы вертикальную полосу, а не решётку.

Подоконник уже залило дождём. Нина закрыла окно, но оставила шпингалет незапертым.

Покой пришёл как награда за разумную осторожность. Он подсказывал отложить обследование до утра, когда будет светлее. Нина продолжила именно потому, что предложение было приятным.

В нижнем шве за кроватью затирка отличалась цветом. Не новая — просто чуть светлее, словно её несколько раз размачивали и заглаживали. Нина провела лезвием по краю. Материал крошился мягко, хотя остальная затирка держалась крепко. Из щели потянуло влажным теплом.

Вскрывать шов Нина не стала: Вера получила бы повод отобрать инструменты. Полоска промокательной бумаги потемнела сильнее в середине отмеченного прямоугольника. За облицовкой двигался влажный воздух.

На полу лежала бирюзовая пыль с блестящими точками. Нина завернула образец в бумагу и подписала: «216, стена изголовья, нижний шов».

За дверью прошли шаги.

Нина мгновенно стёрла мел с самых заметных плиток и сдвинула кровать обратно. Шаги остановились. Ручка медленно опустилась, упёрлась в замок и вернулась.

— Кто там?

— Горничная. Полотенца принести.

Нина открыла дверь, удерживая её ногой. Женщина спрятала запасной ключ и посмотрела мимо неё на стену.

— Кто жил здесь до меня? Молодая, короткие тёмные волосы, родинка у виска.

— Я фамилий не знаю. Комнату освободили утром, мне велели убраться.

— Сегодня утром?

Горничная испуганно сказала, что не помнит, и ушла.

Нина заперлась и посмотрела на комнату заново.

Явные вещи убрали, но в спешке могли пропустить следы под кроватью. На верхней крышке шкафа пыль была протёрта дугой — там недавно стоял чемодан или коробка.

Она опустилась на колени и заглянула под кровать.

Пол был чистым у края и серым ближе к стене. Швабра не доходила туда на ладонь. В пыли виднелся смазанный след, как если бы кто-то ползал под кроватью или нащупывал упавшую вещь. Нина провела линейкой вдоль плинтуса. Металл задел что-то маленькое.

Предмет откатился с тихим щелчком.

Нина вытянула его на свет.

Пуговица была тёмно-коричневая, обтянутая тканью. Обычная пуговица от жакета, четыре отверстия, по краю засохла нитка. На обратной стороне в одном месте ткань была прошита красным стежком.

Нина села прямо на пол.

Красные стежки ставила мать. После случая с перепутанным пальто она помечала вещи Лиды красной ниткой, Нинины — синей. После её смерти Лида забрала коробку с нитками и продолжала семейную привычку сама.

Нина поднесла пуговицу к окну. Красная нитка была выцветшей, хлопковой. На ткани возле отверстий остались свежие светлые надрывы. Пуговицу не срезали: её вырвали.

У Лиды был коричневый дорожный жакет с такими пуговицами. В августе она приезжала в нём в Москву, и Нина заметила красные стежки.

Комната перестала быть предположением.

Лида жила здесь. Горничной велели убрать номер сегодня утром или совсем недавно. Вера сказала, что Лида уехала позавчера. Тамара сказала, что двести шестнадцатая занята, а потом испугалась. Кто-то пытался открыть дверь своим ключом, пока Нина обследовала стену.

Она сжала пуговицу в ладони. Острый край впился в кожу, но тревога не усилилась. Контур всё ещё работал. Тело предлагало самое безопасное действие: немедленно отнести находку Вере Аркадьевне, потребовать объяснений, передать ответственность человеку, который здесь распоряжается.

Нина представила, как кладёт пуговицу на стойку. Вера посмотрит на неё спокойно и скажет, что таких пуговиц сотни. Потом горничная подтвердит, что нашла старый жакет от прежней отдыхающей. Тамара промолчит. Комнату запрут на санитарную обработку, а стену приведут в порядок до утра.

Улика существовала, пока администрация не знала, что она найдена.

Нина завернула пуговицу отдельно от бирюзовой пыли и протолкнула свёрток через разошедшийся шов подкладки пальто к самому подолу.

Потом привела комнату в прежний вид. Убрала инструменты, вытерла мел влажным углом полотенца, расправила покрывало. Кровать поставила точно по следам ножек. Промокательную бумагу с влажным отпечатком спрятала в блокнот.

В коридоре прозвенел колокольчик к ужину.

Гул в стене прекратился на середине тона.

Перемена была мгновенной. В комнату вернулись страх, злость и тошнотворная ясность. Нина опёрлась ладонью о стол. Сердце, минуту назад ровное, сделало несколько быстрых ударов. Она поняла, насколько близко подошла к тому, чтобы лечь и уснуть, оставив поиски до утра.

За дверями заговорили люди. Кто-то засмеялся, кто-то пожаловался на холод. По коридору покатился запах столовой — варёная свёкла, хлеб, лавровый лист.

Нина открыла окно, хотя дождь снова забрызгал подоконник. Потом достала блокнот и на чистой странице составила две колонки.

В левой написала: «Наблюдаемое».

В правой: «Объяснение».

В первую внесла четыре пункта: облегчение при закрытом окне и работающем контуре; ослабление при открытом; тёплые влажные прямоугольники за плиткой; пуговица Лиды под кроватью. Во вторую пока не написала ничего.

Это было важнее любой догадки. Объяснение можно было навязать. Наблюдения — повторить.

Она надела пальто, проверила свёрток под подкладкой и погасила свет. Перед выходом задержалась у бирюзовой стены. Без гула та казалась обычной: неровная заводская глазурь, старые швы, несколько пятен сырости. Но ладонь помнила равномерное тепло, а тело — безмятежность, для которой не было причины.

На лестнице её ждала Тамара.

— Вера Аркадьевна просила проводить вас в столовую, — сказала она.

Нина посмотрела на её форменное платье. Пуговицы были синие, пластмассовые, все на месте.

— Двести шестнадцатую освободили сегодня утром?

Тамара побледнела.

— Я не занимаюсь расселением.

— Но вы сказали, что комната занята.

Снизу донёлся голос Веры Аркадьевны. Она звала Тамару по имени.

— Не спрашивайте при ней, — прошептала девушка. — Если нашли что-нибудь, не отдавайте.

Она тут же пошла вниз, не оглядываясь.

Нина осталась на площадке у бюста основателя. Теперь она знала две вещи. Лида была в комнате 216 после того дня, когда якобы уехала. И кто-то из персонала боялся не исчезновения сестры, а того, что оставленные ею следы попадут к администрации.

Пуговица тяжело лежала в подоле пальто.

Нина спустилась к ужину, решив говорить о ней только с тем, кто сначала докажет, что не служит спокойствию этого дома.

Глава 3. Тихий час

В столовой было слишком тихо для сотни людей, отрезанных от мира.

Ложки касались тарелок, ножи пилили серые ломтики хлеба, за высокими окнами дождь перебирал голые ветви. Но никто не обсуждал селевой сход. Никто не требовал телефона или машины. Постояльцы ели свекольный салат и перловую кашу с таким терпеливым вниманием, будто дорога оставалась цела, а сегодняшнее происшествие касалось соседнего ущелья.

Нина села у стены, откуда видела оба выхода. Подкладка пальто тянула вниз: спрятанная пуговица была почти невесомой, однако Нина ощущала её при каждом движении. Пальто снимать она отказалась, сославшись на озноб.

Тамара поставила перед ней стакан компота.

— После ужина всем измеряют давление? — спросила Нина.

— Только по назначению.

— А тихий час у вас бывает после ужина?

Тамара подняла глаза. На её лице мелькнуло предупреждение, но за соседним столом отодвинули стул, и она ответила громче, чем требовалось:

— У нас вечерний отдых. В половине девятого.

— Одновременно для всех?

— Распорядок общий.

Она ушла к раздаточному окну. Нина записала в блокнот время: двадцать ноль семь. Контур после остановки в комнате снова заработал, едва она спустилась на первый этаж. Здесь гул терялся под шумом вытяжки, но столешница передавала пальцам ровную дрожь.

Вера Аркадьевна ходила между столами. Она не ела, поправляла приборы, спрашивала, не холодно ли у окон. Со стороны это выглядело заботой хозяйки, которая лично помнит каждого гостя. Но её маршрут повторялся: окно, дальний угол, дверь в кухню, центральная колонна. У каждого места она на секунду касалась стены или деревянной панели, словно проверяла температуру.

Нина дождалась, когда Вера подойдёт к ней.

— Горничная сказала, что мою комнату освободили сегодня утром.

— Горничные знают уборку, а не движение отдыхающих.

— Значит, она ошиблась?

— Значит, вы расспрашиваете напуганного человека так, что он старается вам угодить.

Вера улыбнулась без торжества. Ответ был приготовлен хорошо: он не отрицал ни одного слова и делал ненадёжной саму Нину.

— Ваша сестра тоже любила устраивать допросы за ужином, — добавила она. — Это у вас семейное?

Нина почувствовала пуговицу у бедра.

— Лида сидела здесь?

— Все сотрудники иногда ужинают со сменой.

— Я спрашиваю про этот стол.

Вера посмотрела на пустой стул напротив.

— Не помню.

Гул под ладонью стал сильнее. По поверхности компота пошла мелкая рябь, хотя никто не касался стола.

— А я запомню, — сказала Нина.

Она поставила возле записи точку и обвела её кругом. Пока в правой колонке «Объяснение» оставалось пусто.

После ужина постояльцев не отпустили по комнатам. Вера объявила, что из-за аварии в корпусах может пропадать свет, поэтому вечерний отдых проведут в музыкальном салоне и примыкающей галерее. Возражений не последовало. Люди потянулись через вестибюль покорно, без обычной суеты после еды.

Нина задержалась у гардероба, будто поправляла шарф. Тамара собирала со столов забытые салфетки.

— Где главный выключатель вентиляции? — тихо спросила Нина.

— Не знаю.

— Вы вчера сказали Лиде то же самое?

Тамара вздрогнула и уронила салфетки.

— Не называйте её здесь.

— Значит, вчера она была здесь.

— Я этого не говорила.

— Но слышали вы не вопрос.

Тамара присела за салфетками. Нина помогла собрать их, заслонив девушку от зала.

— Если людей собирают вместе, что происходит?

— Они отдыхают.

— Все сразу?

— Почти.

Тамара выдернула из Нининых пальцев последнюю салфетку.

— Не будите тех, кто заснёт. Особенно резко.

Она ушла прежде, чем Нина успела спросить почему.

Музыкальный салон занимал торец южного крыла. По стенам висели чёрно-белые фотографии гор и портреты композиторов, рояль был закрыт чехлом. Кресла стояли полукругом перед старым радиоприёмником, но из него звучала не музыка, а тихое шипение. Двери в застеклённую галерею оставили открытыми, и там разместились те, кому не хватило мест.

Нина насчитала пятьдесят восемь человек. Остальные, вероятно, находились в другом корпусе или дежурили. Вера усадила её в третьем ряду, между полной женщиной в вязаной кофте и сухим седым мужчиной с газетой. Пальто пришлось расстегнуть. Нина положила блокнот на колени и проверила часы.

Двадцать двадцать четыре.

— Свет приглушим, чтобы дать глазам отдохнуть, — сказала Вера. — Никаких процедур. Просто посидите спокойно.

Она повернула латунный регулятор у двери. Погасла половина бра.

Сначала Нина слышала только дождь, шорох газеты и кашель в дальнем ряду. Затем под ними возник низкий тон. Не тот, что в комнате 216: этот был глубже, с едва заметным биением, будто два вентилятора работали почти, но не совсем одинаково.

Нина записала время появления гула и положила пальцы на деревянный подлокотник. Вибрация приходила короткими волнами. Через каждые семь или восемь секунд дерево словно вздыхало.

Женщина справа перестала вязать. Спицы ещё дважды качнулись в её руках и замерли.

В первом ряду мужчина уронил подбородок на грудь. Газета соседа сложилась пополам. Где-то в галерее звякнул стакан, но никто не обернулся.

Нина сделала новую запись: «20:28 — первые признаки сонливости».

Ей самой спать не хотелось. Вместо этого тело налилось тяжестью, приятной после долгой дороги. Мысль о Лиде стала далёкой работой, которую разумнее начать утром. Пуговица под подкладкой уже ничего не доказывала: семейный стежок мог сохраниться на вещи, отданной в починку, а Лида могла подарить жакет. Нина узнала эту гладкость объяснений и прикусила внутреннюю сторону щеки.

Боль не рассеяла тяжесть, но напомнила, что решение должно опираться не на удобство.

Она расстегнула манжету и приложила к запястью холодный образец плиточной пыли, завёрнутый в бумагу. Пыль оставалась сухой. Затем подняла глаза.

Люди засыпали не один за другим.

По залу прошла волна. Сначала опустились веки у тех, кто сидел ближе к центральной колонне. Через несколько секунд заснули два ряда у стены. Потом галерея. Последние разговоры оборвались на полуслове. Женщина рядом с Ниной ещё держала спицы, но уже дышала медленно и глубоко.

Двадцать тридцать одна.

Три минуты между первыми признаками и почти полной тишиной.

Нина обернулась к Вере. Та стояла у регулятора и смотрела не на людей, а на часы.

— Это тоже распорядок? — спросила Нина.

Вера приложила палец к губам.

— Они устали после тревоги.

— Пятьдесят человек в одну минуту?

— В группе всегда проще расслабиться.

— А вам?

— Я на работе.

— Мне тоже не спится.

— Вы возбуждены дорогой и поисками. Это пройдёт.

Ответ снова делал любое состояние подтверждением её версии: заснувшие были здоровы, бодрствующая Нина — встревожена. Нина записала слова дословно.

Седой мужчина слева продолжал держать газету перед собой. Нина решила, что он не уснул, пока лист не выскользнул из его пальцев. Его звали Семён Петрович — имя Нина услышала за ужином, когда Тамара принесла ему таблетки. Теперь одна рука мужчины беспокойно двигалась по подлокотнику, будто искала дверную ручку.

Гул стал плотнее. В стекле галереи задрожали отражения бра.

Семён Петрович резко вдохнул.

Его глаза открылись. Несколько секунд он не видел зала. Зрачки метались, рот беззвучно складывался в слова. Потом он вскочил и опрокинул кресло.

— Не закрывай, Аркадий! — крикнул он.

Спящие не проснулись.

Семён Петрович отступил к стене, выставив перед собой обе руки.

— Аркадий, слышишь? Я вышел. Я всё подписал. Не закрывай меня опять.

Вера быстро пошла к нему.

— Семён Петрович, это я. Вы в музыкальном салоне.

Мужчина смотрел мимо неё — на облицовку. Нижнюю половину стены здесь закрывали светлые керамические панели, поверх которых были укреплены деревянные рейки. Он прижал ладонь к одной из панелей и дёрнул её, словно пытался открыть створку.

— Аркадий, — повторил он уже тише. — Не дыши в меня.

— Кто такой Аркадий? — спросила Нина.

Вера резко обернулась.

— Не вмешивайтесь.

Она взяла Семёна Петровича за локоть. Тот закричал и ударил её плечом в грудь. Вера отшатнулась. Нина успела встать между ними, но не прикоснулась к мужчине.

— Семён Петрович, посмотрите на окно, — сказала она. — Сколько там створок?

— Уберите стену.

— Я уберу воздух. Сначала окно.

В галерее ближайшая фрамуга была заперта высоко над полом. Нина схватила стул, поставила под окно и потянула шпингалет. Рама разбухла от сырости. Пришлось ударить основанием ладони. Фрамуга распахнулась, в салон ворвались дождь и холодный запах хвои.

Гул не исчез, но возле окна его стало почти не слышно.

— Сюда, — сказала Нина. — Не к стене. Ко мне.

Семён Петрович не сразу понял. Его ладонь всё ещё скребла панель. Нина показала на распахнутую фрамугу, затем отошла, оставляя ему свободный путь. Мужчина сделал один шаг, второй. На третьем его колени подогнулись. Он опустился на стул под окном и втянул холодный воздух.

— Где Аркадий? — спросил он.

— Кого вы так называете?

Мужчина моргнул. Страх на лице не исчез, зато взгляд начал узнавать предметы.

— Никого. Я не знаю.

— Вы назвали стену Аркадием.

— Я назвал?

Он посмотрел на панель, от которой отошёл. Теперь в его лице было не узнавание, а стыд человека, которому пересказали его нелепый поступок.

— Мне приснилось, — сказал он. — Там было тесно. Воздух шёл через стену. Кто-то держал дверь.

— Вы видели этого человека?

— Нет. Имя уже было во рту.

Нина записала фразу. Она не доказывала, что стена сохранила чужое воспоминание. Паника могла дать телу ощущение ловушки, а имя — всплыть из услышанного раньше разговора. Важно было другое: Семён Петрович сам не узнавал названного человека.

Вера захлопнула блокнот.

— Достаточно.

— Вы знаете Аркадия?

— Моего отца звали Аркадий Матвеевич. Его портрет висит в вестибюле. Семён Петрович мог прочитать подпись.

— Ваш отец основал санаторий?

— Институтскую лабораторию. Он умер много лет назад.

Семён Петрович поднял голову.

— Я портрета не видел.

— Вы проходите мимо него каждый день, — сказала Вера. — Видели и забыли.

— Возможно, — согласился мужчина слишком поспешно.

Стыд уже предлагал ему удобное объяснение. Нина узнала тот же порядок, что в собственной комнате: сначала тело получало состояние, затем разум строил версию, которая позволяла считать это состояние своим.

— Почему остальные не проснулись от крика? — спросила она.

Вера посмотрела на зал.

Люди продолжали спать. Кто-то повернулся в кресле, женщина уронила клубок, но никто не открыл глаз. Даже удар кресла и крик не пробили общий сон.

— Им дали вечернее успокоительное, — сказала Вера.

— Мне не дали.

— Вы не состоите на лечении.

— Семёну Петровичу дали таблетки при мне.

— Поэтому и случилась парадоксальная реакция. Такое бывает.

— Какие именно таблетки?

— Медицинские назначения вас не касаются.

Нина повернулась к мужчине.

— Вы принимаете их каждый вечер?

Семён Петрович достал из кармана сложенный бумажный пакетик. Внутри оставалась одна белая таблетка.

— Тамара велела после отдыха, — сказал он.

Вера выхватила пакетик.

— Вы перепутали.

На миг её спокойствие исчезло. Не громкость голоса и не выражение лица — скорость движения выдала больше. Она ожидала, что лекарство уже принято, и рассчитывала объяснить им сон.

Нина открыла блокнот снова.

— Пятьдесят человек получили успокоительное до салона?

— Я не обязана перед вами отчитываться.

— Нет. Но если дорога отрезана и люди не просыпаются от крика, вы обязаны хотя бы проверить дыхание.

Вера замерла.

По залу всё так же проходило мерное биение. Нина видела, как при каждом усилении гула едва колеблется край рояльного чехла. Центральная колонна была облицована той же светлой керамикой, что стена. Ближе к ней люди сидели неподвижнее.

— Откройте остальные окна, — сказала Нина.

— На улице холодно.

— Тогда выключите вентиляцию.

— После селя корпус нельзя оставлять без вытяжки.

— Значит, вы признаёте, что дело в ней?

Вера отвернулась к Семёну Петровичу.

— Отведите его в процедурную.

У двери уже стояли двое санитаров. Нина не заметила, когда они вошли. Один поднял кресло, второй протянул мужчине халат. Семён Петрович послушно встал, но у открытой фрамуги задержался.

— Я его не знаю, — сказал он Нине. — Запишите это тоже.

— Уже записала.

— И дверь. Там не было лица. Только нельзя было вдохнуть.

Санитар увёл его. Вера закрыла фрамугу. Холодный поток оборвался, и через несколько секунд в пальцах Нины снова появилась тяжесть.

— Вы напугали больного своими вопросами, — сказала Вера.

— Он проснулся до моих вопросов.

— Проснулся после общего потрясения и увидел незнакомого человека, который весь вечер за ним наблюдал.

— Он смотрел на стену.

— Люди в панике смотрят куда угодно.

Вера говорила разумно. Каждое предложение само по себе могло быть правдой. Нина не стала спорить. Вместо этого записала наблюдаемое: одновременный сон; гул с биением; паника одного человека; имя умершего основателя; отсутствие узнавания после проветривания; непринятая таблетка; закрытая фрамуга.

В графе «Объяснение» она наконец сделала первую запись: «Причина имени неизвестна. Не считать памятью стены».

Вера прочитала её через плечо.

— Хоть в чём-то мы согласны.

— Мы согласны только в том, чего пока нельзя утверждать.

- Вашей сестре тоже казалось, что осторожность даёт ей право подозревать всех.
- Когда вы видели её в последний раз?
- Вера молчала чуть дольше прежнего.
- Позавчера утром.
- В комнате 216?
- В лабораторном коридоре.
- До того, как она уехала?
- Разумеется.

Нина отметила время ответа. Вера не спросила, почему названа комната. Возможно, уже знала об осмотре. Возможно, горничная доложила. Пуговица под подкладкой снова стала тяжёлой.

Через четверть часа гул прекратился. Не ослаб, а оборвался точно на вершине биения. Почти одновременно по залу прошёл шорох: люди поднимали головы, расправляли плечи, искали упавшие вещи. Они просыпались с той же согласованностью, с какой заснули.

Женщина рядом с Ниной подняла клубок и продолжила вязать с того места, где остановилась.

- Давно мы сидим? — спросила она.
- Двадцать две минуты.
- Как хорошо. Будто всю ночь проспала.

Вера включила бра и объявила, что вечерний отдых закончен. Ни слова о крике Семёна Петровича. Постояльцы расходились, обсуждая, кому стало легче. Несколько человек жаловались на холод из-за открытого окна. Никто не спросил, куда увели соседа.

Нина осталась у колонны. Приложила ладонь к деревянной рейке: та была тёплой. Между рейкой и керамической панелью выступила капля воды. Нина сняла её промокательной бумагой и увидела на белом листе бледно-жёлтый след.

Под нижней рейкой обнаружился узкий продольный зазор. Из него пахло мокрой глиной и нагретым металлом. Гул закончился, но внутри ещё что-то остывало, тихо потрескивая.

- Вам пора в номер, — сказала Тамара за спиной.

Нина показала ей запись о таблетке.

- Он её не принимал.

Тамара прочла и побледнела.

— Я дала после ужина, как велел Кирилл Львович. Принимать перед сном, не перед отдыхом.

- Вера сказала, что заснули из-за успокоительного.
- Я ничего не слышала.
- Зато вы предупредили не будить их резко.

Тамара оглянулась на дверь.

- Иногда человек просыпается не в том чувстве, в котором заснул. От этого путается.

- Чьё имя назвал Семён Петрович?

- Я не знаю.

- Аркадий. Так звали основателя.

У Тамары задрожали губы.

- Лида тоже слышала это имя?

Девушка сжала стопку салфеток.

— Лида считала интервалы. Она говорила: если двое чувствуют одно и то же, это ещё не значит, что они помнят одно и то же. Не заставляйте меня говорить больше здесь.

Это было первое свидетельство, что сестра не только испугалась воздействия, но исследовала его. Нина хотела спросить, где записи, однако в коридоре слышались шаги Веры.

- Когда можно? — спросила она.

Тамара посмотрела на часы над роялем.

— Завтра после подъёма. У процедурной. Если ночной обход не изменят.

Она поспешила к выходу.

Нина вырвала из блокнота чистую страницу, сложила вчетверо и завернула в неё влажный отпечаток с колонны. На внешней стороне написала: «Музыкальный салон, 20:57, после общего сна». Второй образец лёг рядом с пылью из комнаты, но не рядом с пуговицей.

В коридоре санитар закрывал дверь процедурной. Изнутри донёсся голос Семёна Петровича:

— Я не знаю никакого Аркадия.

Санитар заметил Нину и повернул ключ.

— Ему нужна тишина.

— Ему нужен воздух.

— Главный врач решит.

Нина посмотрела на квадратную головку ключа. Такой же формы были ключи Григория от технических панелей. В этом доме комнаты, вентиляция и люди запирались одним движением руки, только ключи назывались по-разному.

Она поднялась на второй этаж, не заходя в процедурную. Спор сейчас лишил бы её утренней встречи с Тамарой. Нина ненавидела собственное решение оставить перепуганного человека за дверью, но понимала цену открытого столкновения: Вера отберёт блокнот, переселит её и уничтожит следы в 216-й.

У себя Нина сразу открыла окно. Дождь стих, воздух был холодным и почти сухим. Она заперла дверь, вынула пуговицу, оба образца и разложила на столе.

Пуговица доказывала присутствие Лиды. Пыль и влажный след — необычное устройство облицовки. Записи показывали одновременность реакций. Ни одна улика не доказывала, что керамика хранила память умершего основателя.

Нина провела черту под колонками и написала:

«Стена не назвала себя. Имя произнёс человек. Искать, где он мог его услышать».

Ниже добавила:

«Лида считала интервалы. Найти её записи».

Из-за стены донёсся знакомый низкий тон. Нина посмотрела на часы: двадцать один сорок три. Ночной цикл начался раньше, чем вечерний отдых успел закончиться во всём корпусе.

Она подошла к облицовке и приложила ладонь к отмеченному прямоугольнику. Тепло поднималось из глубины. На этот раз вместе с облегчением пришла сонливость — спокойная уверенность, что утро само принесёт ответы.

Нина отдернула руку, открыла окно шире и подперла раму стулом.

Потом спрятала пуговицу обратно в подкладку, а блокнот положила под матрас со стороны окна. Если горничная снова войдёт служебным ключом, ей придётся искать долго.

На последней строке страницы Нина записала точное время встречи с Тамарой и три вопроса: кто назначает циклы, где Лида вела записи, почему имя основателя появляется во сне у человека, который его не знает.

За стеной гул набирал силу.

Нина легла одетой, лицом к открытому окну. Холод не давал уснуть. Впервые за весь день она была благодарна ему не за ясность, а за то, что ясность приходилось выбирать снова — каждый раз, когда дом предлагал покой.

Глава 4. Семейная смена

Нина проснулась за минуту до подъёма — не от звонка, а от тишины. Ночной тон за стеной исчез, и прямоугольник облицовки остыл. Она проверила внутренний карман пальто и посмотрела на часы: шесть двадцать девять.

У процедурной пахло йодом, варёным бельём и железом от старых батарей. Дверь была закрыта. На табурете возле неё стоял эмалированный поднос с пустыми стаканами. Нина пришла в шесть сорок две, на три минуты раньше условленного времени.

Тамара появилась из бокового коридора с охапкой сложенных простыней. Увидев Нину, она не остановилась.

— Возьмите верхнюю, — сказала она. — Идите за мной, будто помогаете.

Они миновали процедурную и вошли в тесную бельевую. Здесь не было плитки — только крашеная известью стена, деревянные полки и маленькая форточка под потолком. Тамара положила простыни на стол и оставила дверь приоткрытой.

— Ночной обход перенесли на пять, — сказала она. — Вера Аркадьевна сама ходила по этажу. В двести шестнадцатую заходила?

— Нет. Я подперла дверь.

Нина не стала говорить про пуговицу и образцы. Даже страх Тамары пока не делал её независимой от семьи.

— Когда вы видели Лиду в последний раз?

Тамара потёрла ладонью предплечье, как будто стирала след от манжеты.

— В понедельник вечером. После смены.

— Который был час?

— Без десяти одиннадцать. Я знаю точно: в одиннадцать мы записываем температуру в холодильнике. Лида пришла сюда, спросила, где лежат старые карты Семёна Петровича. Я сказала, что архив заперт. Потом она услышала машину во дворе и побежала к лестнице.

— Какую машину?

— Институтскую. У нас одна серая «Волга». Кирилл Львович вернулся из города.

Нина вынула блокнот.

— Вера утверждает, что Лида уехала позавчера утром.

— Это и было позавчера. Только утром Лида ещё была здесь.

— Вы видели её утром?

— Нет. Но в журнале стояла её подпись за ночную смену. Смена заканчивается в восемь. Она не могла уехать раньше.

— Подпись может поставить другой человек.

— У Лиды буква «д» как нотный знак, с петлёй наверху. Я сама передавала журнал Вере Аркадьевне в восемь десять. Подпись была.

— Где журнал сейчас?

Тамара посмотрела на дверь.

— Должен быть у старшей сестры в стеклянном шкафу. Но вчера Вера его забрала. Сказала, после селя пересчитают смены.

— В журнале отмечают только дежурства?

— Приход, уход, кому передана лаборатория. Иногда номер машины, если образцы увозят в институт.

Это было лучше воспоминания: несколько записей, сделанных до исчезновения Лиды и не ради Нины. Но теперь журнал находился у Веры.

— Вы сказали, Лида услышала машину. Она встретилась с Кириллом?

— Я не видела. Через четверть часа она вернулась. Была мокрая, хотя дождь ещё не начался. Спросила, можно ли незаметно позвонить из процедурной. Я сказала, что коммутатор всё равно соединяет Вера Аркадьевна.

— Что было потом?

— Лида ушла к себе. Утром в журнале стояла подпись. А после завтрака мне велели освободить двести шестнадцатую.

Нина почувствовала, как под рёбрами поднимается торопливый страх. Он был её собственным: в бельевой не гудела вентиляция, известковая стена оставалась холодной. От этого страх не стал слабее, зато ему можно было доверять.

— Кто велел?

— Вера Аркадьевна. Сказала, Лиду срочно увезли в институт.

— Она назвала время отъезда?

— До рассвета.

В коридоре звякнул поднос. Тамара вздрогнула и схватила верхнюю простыню.

— Мне пора.

— Ещё одно. Семён Петрович сейчас в процедурной?

— Его перевели в изолятор. У него нормальный пульс, но Кирилл Львович запретил выпускать до осмотра.

— Кирилл уже здесь?

Тамара кивнула на окно.

— Ночью вернулся. Говорит, объехал сель по лесной дороге. Только лесной дороги для машины нет.

Шаги остановились возле бельевой. Тамара сунула Нине стопку простыней.

— На второй этаж, — громко сказала она. — И не перепутайте с грязными.

В дверях появился молодой мужчина в белом халате поверх серого свитера. Нина прежде видела его только на семейной фотографии в вестибюле: там он был подростком с упрямо откинутой головой. Теперь ему было около тридцати. Худое лицо, тёмные круги под глазами, слишком чистые ногти для человека, который ночью объезжал сель по лесу.

— Тамара, — сказал он, — отец ждёт утренние карты.

— Сейчас принесу, Кирилл Львович.

Он перевёл взгляд на Нину и на простыни в её руках.

— Нина Веденеева, — представилась она. — Сестра Лиды.

Его дыхание на миг задержалось.

— Вы видели её перед отъездом?

Кирилл прислонился плечом к косяку, закрыв половину прохода.

— Вижу, тётя не сумела вас успокоить.

— Она пыталась.

Тамара опустила голову. Кирилл, кажется, услышал в ответе только дерзость.

— Лида уехала во вторник днём, — сказал он. — Я был в городе и не успел с ней попрощаться.

— Во сколько днём?

— Около трёх. Машину отправляли за почтой.

— Кто был за рулём?

— Наш водитель. Вы устраиваете допрос в бельевой?

— Пытаюсь понять, где сестра. Вера Аркадьевна сказала, что Лида уехала утром. Тамара получила распоряжение освободить её комнату после завтрака. Теперь вы называете три часа.

Кирилл посмотрел на Тамару. Не сердито — оценивающе, словно проверял показание прибора.

— Тамара не отвечает за транспорт, — сказал он. — А тётя могла назвать утром весь период до обеда. В горах так говорят.

— В горах три часа тоже называют утром?

— После селя люди путают дни. Вы вчера видели, как действует переутомление.

— Я видела пятьдесят восемь человек, уснувших одновременно.

Тамара с силой прижала к груди простыни. Кирилл перестал загораживать проход.

— Отец хотел с вами познакомиться, — сказал он. — Пойдёмте. Там и поговорим без публики.

Главный врач ждал в кабинете рядом с зимним садом. По дороге Кирилл объяснял сонливость низким давлением и высотой, но на слово «образцы» замедлил шаг.

За столом висела фотография Аркадия Матвеевича, под ней стоял радиоприёмник. Имя основателя могло звучать во внутренней сети — загадка оставалась проще стены.

Лев Аркадьевич поднялся навстречу. Ему было за шестьдесят, но двигался он легко. Серебристые волосы были зачёсаны назад, белый халат застёгнут до горла. Рукопожатие оказалось сухим и тёплым.

— Нина Андреевна, наконец-то, — сказал он. — Простите, что не встретил вчера. Сель собрал всех начальников, даже тех, кто не умеет удерживать лопату.

— Отчество у меня Сергеевна.

— Разумеется. Лида говорила о вас.

Он не извинился и жестом предложил кресло у стены. Нина выбрала деревянный стул возле стола.

Вера вошла следом, будто всё утро ждала за соседней дверью. На ней был тёмный костюм, волосы уложены безупречно. Она положила перед братом папку с красным корешком.

— Утренние сводки, — сказала она. — И список после вчерашнего происшествия.

— Как Семён Петрович? — спросила Нина.

— Отдыхает под наблюдением, ничего опасного, — сказал Лев Аркадьевич. — Имя моего отца он мог слышать на экскурсии или по радио.

— Тогда я проверю расписание передач.

Вера скрестила руки.

— Вы приехали как отдыхающая, не как ревизор.

— Я приехала к сестре. Вы сообщили три разных времени её отъезда.

Лев Аркадьевич не спросил, кто назвал третье. Он открыл папку, медленно просмотрел верхний лист и сказал:

— Лида покинула санаторий во вторник. Точное время сейчас не имеет значения: водитель не вернулся из-за селя, а связь оборвана.

— Если она уехала до селя, то должна быть в институте.

— Именно.

— Откуда вы это знаете без связи?

Главврач закрыл папку.

— Потому что машина шла в город.

— Во сколько она вышла?

— После утреннего совещания. Около половины десятого.

Вера повернулась к нему.

— Лёва, совещание отменили.

Пауза была короткой, но впервые семья не успела спрятать её за объяснением.

— Отменили общее, — сказал Лев Аркадьевич. — Я говорил с водителем отдельно.

— Вера Аркадьевна сказала мне, что видела Лиду в лабораторном коридоре перед отъездом, — продолжила Нина. — Тамара получила приказ освободить номер после завтрака.

Кирилл Львович называет три часа дня и почтовую машину. Вы — половину десятого и разговор с водителем. Какая версия записана в документах?

Кирилл сел на край подоконника.

— Вы выстраиваете противоречие из бытовой неточности. Никто не обязан запоминать минуту чужого отъезда.

— Когда человек пропал — обязан тот, кто утверждает, что отправил его на машине.

— Она не пропала.

— Тогда почему комнату освободили в спешке?

— Лида сказала мне, что заберёт вещи позже, — ответила Вера. — Между девятью и десятью. Часы я не проверяла.

— А Кирилл в это время был в городе?

— Был, — ответил Лев.

— Вернулся в понедельник без десяти одиннадцать вечера, — сказала Нина. — На той же серой «Волге», которая якобы увезла Лиду во вторник.

Кирилл убрал руки с подоконника.

— Машина могла выехать снова.

— Могла. Значит, есть путевой лист на два рейса.

Лев Аркадьевич заговорил о болезни матери и тревоге, и Нина сразу оборвала его:

— Не превращайте вопрос о журнале в вопрос о моей наследственности. Сначала документы.

— Они в служебной части, куда постояльцам вход запрещён.

— Тогда принесите журнал смен сюда.

Вера положила ладонь на красный корешок папки. Слишком поздно: движение выдало ценность вещи. Нина прочла перевёрнутую надпись у нижнего края — «ДЕЖУРСТВА. ЛАБ.» — и увидела, что несколько страниц возле середины выступают неровно, будто их недавно вынимали или подклеивали.

— Он уже здесь, — сказала Нина.

Вера прижала папку к столу.

— Это текущие сводки.

— Тогда покажите обложку.

— Вы забываетесь.

— А вы забыли спрятать название.

Лев Аркадьевич накрыл руку сестры своей. Жест выглядел успокаивающим, но Вера сразу отпустила папку.

— Нина Сергеевна, — сказал он, теперь правильно называя отчество, — в лабораторном журнале есть медицинские сведения других людей. Мы не имеем права давать его вам. Я могу распорядиться подготовить выписку о сменах Лиды.

— Выписку, сделанную теми, чьи версии я проверяю?

— Других людей здесь нет. Мы семья и администрация этого учреждения. Это не преступление.

— Пока нет.

Кирилл подошёл к столу.

— Хватит. Из-за селя мы отвечаем за шестьдесят человек, а она мешает работе.

— Шестьдесят восемь, — поправила Вера.

— Вчера в салоне было пятьдесят восемь, — сказала Нина. — Остальных вы тоже лечите без объяснений?

Вера посмотрела на брата, Кирилл — на радиоприёмник.

Лев Аркадьевич поднялся.

— Завтрак через десять минут. После него вы сможете прогуляться только по главному корпусу: склон нестабилен. В полдень Кирилл вас осмотрит. Это не просьба.

— Я не давала согласия.

— В чрезвычайной ситуации администрация вправе оценить состояние каждого постояльца.

— Тогда оцените моё сейчас: ориентирована, помню три несовпадающих времени и не собираюсь принимать успокоительное.

Она встала. Папка оставалась под рукой Веры. Вырвать её означало проиграть: страницы исчезнут, а Нину запрут рядом с Семёном Петровичем. Нужен был документ, который семья не держала в одном кабинете.

У двери Нина спросила имя водителя.

— Степан Ильич, — сказал Лев.

— Николай, — одновременно произнесла Вера и тут же поправилась: — Николай оформлял рейс.

— Тогда в путевом листе будут оба имени, — сказала Нина.

Она вышла, прежде чем ей предложили четвёртую версию.

В вестибюле имя Аркадия Матвеевича встречалось в названии юбилейной лекции и под фотографией. Семён Петрович действительно мог его прочесть. Эта улика не оправдывала семью и не доказывала чудо.

Ниже висело объявление транспортной службы: «Заявки на рейс и получение топлива сдавать диспетчеру до 18:00». В углу стоял вчерашний штамп.

Если «Волга» снова вышла во вторник, остались путевой лист, заявка и запись топлива. Подменить все хозяйственные следы было труднее, чем один журнал.

Нина прошла к лестнице и только на площадке вынула блокнот.

Она записала:

«Тамара: Лида в понедельник 22:50; подпись в журнале к 8:10 вторника; комнату велено освободить после завтрака; отъезд “до рассвета”.

Кирилл: вторник около 15:00, почтовый рейс; сам якобы был в городе.

Лев: после отдельного разговора с водителем, около 9:30.

Вера: разговор с Лидой между 9:00 и 10:00; сначала — “позавчера утром”.

Водитель: Степан / рейс оформлял Николай».

Под списком Нина провела черту. Главным был не спор о часах. Все трое сразу согласились, что Лида уехала, но каждый привязал это к разному событию, которое мог подтвердить только родственник. Они не вспоминали один отъезд — они защищали общий итог.

Нина написала следующее действие:

«Не брать выписку. Найти оригинал путевого листа и топливную запись вторника. Проверить два рейса серой “Волги”».

На площадке под потолком загудела решётка. Тон был выше ночного, почти неосязаемый, однако в груди возникло желание принять простое объяснение: сестра уехала, семья устала, часы перепутались.

Нина открыла окно. Крючок не позволял распахнуть его шире ладони. Она сняла туфлю, ударила каблуком по креплению и вырвала шуруп из мягкой рамы. Створка распахнулась, впуская сырой холод.

Желание извиниться отступило.

Нина спрятала блокнот отдельно от пуговицы и образцов и пошла искать хозяйственный двор. Теперь ей был нужен не рассказ человека, а лист, который должен был проехать вместе с машиной.

Глава 5. Сырая плитка

Хозяйственный двор начинался за кухней, но прямого выхода туда не было. Нина прошла мимо столовой, свернула к грузовому лифту и упёрлась в дверь с табличкой «Только для персонала». Замок открывался тем же квадратным ключом, который она видела у Григория.

За дверью работала вентиляция. Решётка под потолком дрожала, вкрадчивый тон давил на грудную клетку. Возникла уверенность, что транспортные бумаги давно уничтожены и искать их бессмысленно. Нина отметила это как симптом, а не вывод, вернулась на три шага и распахнула окно у лестницы. Холодный воздух быстро сделал сомнение обычным — неприятным, но проверяемым.

Из столовой вышла посудомойщица с ведром. Нина подхватила пустой ящик из-под бутылок и придержала ей дверь. Женщина даже не спросила, зачем отдыхающей тара.

Во дворе дождь превратил угольную пыль в чёрную кашу. Под навесом стояли грузовик без переднего колеса и серая «Волга». На ветровом стекле «Волги» засохли дуги от щёток, по колёсам налипла светлая глина. Машина явно ездила недавно, но глина ничего не говорила о дне и маршруте.

Нина поставила ящик у кухни и обошла автомобиль. На заднем сиденье лежал клетчатый плед. В кармане двери торчал обрывок газеты. Ни чемодана, ни женской одежды. Крышка багажника была заперта.

— Потеряли что-то?

Григорий стоял у котельной с разводным ключом в руке. Его синяя роба промокла на плечах. На поясе висела связка квадратных ключей.

— Путевой лист, — сказала Нина.

— Такие вещи теряет водитель.

— Степан или Николай?

Григорий не улыбнулся.

— Степан водит. Николай выдаёт горючее.

Впервые два имени соединились без заминки. Значит, Вера могла не сочинять последнюю поправку. Но это не объясняло времени.

— Машина уходила во вторник?

— Спросите у машины.

— Она отвечает только глиной.

Григорий посмотрел на колёса.

— Значит, уже сказала достаточно.

— Где Степан?

— На той стороне селя или под ним. Никто не знает.

Он прошёл к служебной двери. Нина заметила на его рукаве белую крошку, похожую на пыль из шва комнаты 216.

— Вы меняли заслонки ночью?

Григорий остановился.

— Я поддерживаю воздух.

— В моей комнате воздух работал по часам.

— Всё здесь работает по часам. Вода, кухня, люди.

— И настроение?

Он вставил квадратный ключ в дверь.

— Настроение чаще всего портится, когда человек лезет туда, где не понимает устройства.

— Тогда объясните устройство.

— Кирилл объяснит. Он любит слова.

Григорий исчез внутри. Замок щёлкнул. Нина могла потребовать открыть диспетчерскую, но крик собрал бы санитаров раньше, чем документы. Она повернулась к «Волге» и увидела под навесом жестяную стойку с зажимом. В ней хранили листы выдачи топлива. Верхняя страница была сегодняшней, ниже — вчерашняя. Вторичной не было.

На обороте листа карандашом записывали остаток в баке. Между понедельником и средой число уменьшилось на двадцать семь литров. Если запись не подменили, топлива хватило бы на поездку к городу и обратно, но машина вернулась во двор. Лида при этом могла выйти раньше или вообще не сесть в салон.

Нина переписала числа. Оригинал путевого листа следовало искать у Николая, а не у водителя.

С крыши сорвалась вода и ударила по навесу. На миг шум заглушил всё остальное. Под ним Нина услышала тонкий стеклянный звон — не снаружи, а из стены котельной. Нижняя часть фасада была облицована бледно-зелёной плиткой. Одна плитка дрожала в ритме работающего внутри насоса.

Нина подошла ближе. Дождь мочил всю стену, однако плитка под карнизом, куда вода не попадала, тоже блестела. Она коснулась её тыльной стороной пальцев. Поверхность была тёплой.

Тепло быстро поднялось по кисти, и вместе с ним пришло раздражение. Григорий казался не скрытным, а тупым; Тамара — трусливой; вся семья — достойной немедленного обвинения. Нина отняла руку. Раздражение осталось, но утратило ясность приказа.

Она достала из кармана линейку и легко постучала по соседним плиткам. Сухие отвечали коротко и высоко. Тёплая дала низкий звук с дрожащим хвостом. За ней была полость, соединённая с работающим контуром.

Нина приложила ладонь снова, теперь глядя на секундную стрелку. Через восемь секунд пульс участился. Через двенадцать захотелось ударить по стене. На пятнадцатой секунде она отступила и открыла блокнот.

Записать ровную строку удалось не сразу. Пальцы сжимали карандаш сильнее нужного.

Она повторила опыт через сухую простыню, которую всё ещё несла с собой. Тепло проходило медленнее, но раздражение вернулось. Значит, важен был не непосредственный контакт кожи. Затем Нина поднесла ладонь, не касаясь глазури. В двух пальцах от стены ощущалось тепло, однако злость не усилилась.

Контакт мог быть частью воздействия или просто ускорял нагрев тела. Одного наблюдения было мало.

— Что вы делаете?

Григорий вернулся бесшумно. Теперь на его связке не было одного ключа.

— Ищу отслоение. Эта плитка держится хуже соседних.

Он ударил по ней костяшкой пальца и сразу убрал руку.

— Старая кладка.

— Фасад ремонтировали позже главного корпуса.

— Откуда знаете?

— Раствор цементный, шов узкий. Внутри здания швы известковые и шире. Здесь меняли облицовку, но оставили полость.

Григорий вытер руку о робу.

— В старом корпусе всё настоящее, если вам так нравится старьё.

Он хотел отделаться насмешкой, но дал направление.

— Там есть такая же плитка?

— Там есть стены. И окна. Пока Вера не заперла переход, можете любоваться.

Нина пошла к крытой галерее. За спиной Григорий сказал:

— На вашем месте я бы не трогал мокрое.

— Почему?

— Ток.

— Проводка проходит выше.

Он ничего не ответил.

Переход в старый корпус начинался за прачечной. Здесь пахло мокрой штукатуркой и яблоками из кладовой. Новая бирюзовая облицовка тянулась до первой противопожарной двери и обрывалась ровно по порогу. Дальше стены были окрашены масляной краской до половины высоты. Гул стал слабее.

Нина остановилась на границе и закрыла все окна в переходе. Подождала минуту. В новой части возникло знакомое раздражение, хотя она больше не касалась стены. Сделав два шага за порог, она почувствовала, как напряжение начинает спадать. Разница была не внезапной: тело ещё несло состояние с собой, но новый импульс не добавлялся.

На стене старого корпуса нашёлся небольшой участок светлой керамики вокруг бывшего питьевого фонтанчика. Плитки были довоенные, с волнистой глазурью. Нина проверила их линейкой. За одной обнаружилась пустота, но поверхность оставалась холодной, звук не имел дрожащего хвоста.

Не всякая плитка действовала. Не всякая полость была частью системы.

В конце коридора стояло окно с разошедшей рамой. Под ним — старая облицованная ниша, явно переделанная позже: ровные узкие швы, гладкая глазурь, тёплый прямоугольник в центре. Нина закрыла окно. Потом приложила к нише ладонь.

Сначала ничего не произошло. Через несколько секунд в животе возникло лёгкое ожидание беды. Коридор показался слишком длинным, дверь за спиной — слишком далёкой. Нина сняла руку, но не открыла окно. Тревога продолжала нарастать под низким гулом.

Она села на подоконник и записала время. Мысль предлагала объяснения: Григорий идёт следом; Кирилл уже распорядился запереть корпус; Лида была здесь и не смогла выйти. Ни одно не опиралось на звук или движение.

Нина распахнула створку.

Сырой воздух ударил в лицо. Занавеска поднялась, заслонила нишу и опала. Через полминуты тревога перестала расти. Через две минуты коридор снова стал просто пустым.

Она закрыла окно, не касаясь плитки. Гул сделался заметнее, тревога вернулась. Открыла — тон ослаб, состояние остановилось. Повторила ещё раз. Результат сохранился.

Окно не отменяло уже пережитое чувство мгновенно. Оно прекращало подпитку. Причиной могло быть движение воздуха, падение влажности у стены или изменение давления в полости. Нина пока не могла выбрать.

Она осмотрела раму. На крючке были свежие царапины: окно часто открывали и снова запирали. На откосе карандашом стояли короткие вертикальные черты, сгруппированные по пять. Двадцать две группы и ещё три черты. Рядом едва читались буквы «з» и «о».

Закрыто. Открыто.

Лида тоже считала интервалы.

Нина провела пальцем рядом, не касаясь отметок. Некоторые были старыми и серыми, последние — чёрными, сделанными мягким лабораторным карандашом. Такими Лида подписывала пробирки ещё в училище: обычный графит стирался с влажного стекла.

Под окном лежала отслоившаяся щепка. Нина завернула её в простыню, чтобы не оставлять отпечатков, и поддела нижний край наличника. За ним обнаружился узкий канал. Внутри тянулась металлическая трубка, покрытая каплями воды. Она уходила к нише и дальше, в сторону главного корпуса.

Нина не стала вскрывать канал. Достаточно было установить связь облицовки с контуром. Она нарисовала схему и отметила, что при открытом окне занавеску втягивало не наружу, а к щели за наличником. Воздушный поток менял направление внутри стены.

В коридоре скрипнула дверь.

Нина закрыла наличник и села на подоконник, разложив на коленях блокнот как книгу. Появилась Вера.

— Я запретила постояльцам ходить в старый корпус.

— Григорий сказал, что переход открыт.

— Григорий отвечает за трубы, не за режим.

— Тогда почему здесь работает вентиляция?

Вера посмотрела на распахнутое окно.

— Чтобы не было плесени.

— При открытой раме облицовка остывает.

— Любая стена остывает.

— И людям становится легче.

Вера подошла и закрыла створку. Почти сразу из ниши донёсся слабый звон.

— Сквозняк опаснее ваших ощущений, — сказала она.

— Семён Петрович пришёл в себя у открытого окна.

— Он пришёл в себя со временем.

— Тогда окно вам не мешает.

Нина потянулась к шпингалету, но Вера удержала раму обеими руками.

— Вам назначен осмотр в полдень.

— Я отказалась.

— Мой брат не привык, чтобы его распоряжения обсуждали.

— А вы привыкли выполнять их или исправлять последствия?

Лицо Веры осталось неподвижным. Только большой палец на раме побелел.

— Лида задавала те же вопросы, — сказала она.

— И поэтому вы заперли её комнату?

— Я не запираю Лиду.

Ответ был слишком узким. Не «мы её не удерживали» и не «она уехала», а только отрицание одного действия.

— Кто запирает?

Вера отпустила окно.

— Если хотите увидеть сестру живой, перестаньте трогать стены.

Она произнесла это тихо, без угрозы, и сразу поняла, что сказала больше допустимого.

Нина открыла окно. Гул ослаб.

— Значит, она жива.

— Я сказала «если».

— Нет. Вы выбрали слово «живой».

Вера отступила к двери.

— В полдень Кирилл придёт за вами.

— Передайте ему: я рассчитываю свои реакции сама.

После её ухода Нина не бросилась следом. Под воздействием тревоги любой шаг мог показаться единственно срочным. Она дождалась, пока пульс выровняется у открытого окна, и перечитала запись.

Пока доказано было немного: часть поздней облицовки теплела и дрожала в связи с внутренним контуром; при закрытом окне рядом с ней нарастало состояние; открытая рама ослабляла гул и прекращала его усиление. Лидины черты показывали, что опыт повторяли до Нины. Слова Веры позволяли надеяться, но не доказывали, что сестра жива сейчас.

В хозяйственном дворе хлопнула дверца автомобиля. Нина выглянула. Григорий вывел «Волгу» из-под навеса и открыл багажник. Внутри стояли две канистры и лежала связка документов в промасленной папке.

Рядом появился Кирилл. Он забрал папку и направился к главному корпусу.

Нина запомнила её цвет и толщину. Бежать вниз было поздно. Зато теперь она знала, что транспортные бумаги не уничтожены и находятся не у Николая, а у семьи.

Она закрыла блокнот и оставила окно открытым. Это был первый способ сопротивления, не требовавший ни лекарства, ни разрешения, ни веры в чужие объяснения.

Глава 6. Карта с чистым пульсом

К полудню окна главного корпуса были закрыты. Дежурные обходили этажи с длинными шестами и защёлкивали фрамуги, до которых не дотягивались руками. Нина вернулась в номер раньше них, сняла крючок и спрятала его под матрас. Когда санитар потянул раму снаружи, та не поддалась.

— Распоряжение главврача, — сказал он через стекло.

— У меня распоряжение лёгких.

Санитар ушёл за ключом. Нина переложила пуговицу, образцы и блокнот в полотняный мешок, обвязала вокруг талии под юбкой. В дверь постучала Тамара.

— Кирилл ищет вас в старом корпусе, — сказала она. — У нас пять минут.

В процедурной было пусто. Тамара закрыла дверь, выдвинула нижний ящик шкафа и достала тонкую серую карту без имени на обложке.

— Вера велела сжечь её после того, как перепишут показатели, — сказала она. — Я спрятала среди рецептурных бланков.

На первой странице стояло: «Веденеева Лидия Сергеевна, 27 лет». Дата поступления — два месяца назад, должность — лаборант. Графа диагноза была пуста. Ниже кто-то другим почерком вписал: «Контроль адаптации персонала».

Листы пульсовых наблюдений поражали ровностью. Семьдесят два удара утром, семьдесят два вечером. На следующий день — семьдесят один и семьдесят три. Давление почти не менялось. Такие показатели могли принадлежать здоровому человеку, но не человеку, который дежурил ночами, бегал по лестницам и боялся настолько, чтобы послать сестре телеграмму.

— Кто измерял? — спросила Нина.

— По подписям — я, — сказала Тамара. — Но половины этих цифр я не ставила.

— Какие ваши?

Тамара показала первую неделю. Её семёрка имела поперечную черту, единица — короткий верхний штрих. Дальше цифры копировали форму, но нажим был одинаковым, словно писали медленно, срисовывая.

— Последняя настоящая запись?

— Здесь.

Строка за прошлую пятницу выглядела чистой: пульс семьдесят четыре, давление сто двадцать на восемьдесят. Нина поднесла лист к окну. Бумага под цифрами была тоньше и матовее. Волокна поднялись.

— Стирали лезвием, — сказала она.

— У нас так исправляют ошибку.

— После лезвия остаётся вдавленный след.

Нина положила страницу на стекло и наклонила. Боковой свет проявил борозды. Она различила первую цифру — единицу, затем ноль. Не семьдесят четыре, а больше ста. В конце строки сохранилась дуга буквы.

— Что здесь было?

Тамара закрыла глаза.

— «Сто восемь. Перебои». Потом ещё «после цикла».

— Какого цикла?

— Ночного. Лида сама пришла мерить пульс. Сердце пропускало удар, потом било два раза подряд. Я хотела позвать Кирилла, но она запретила. Сказала, он и так знает.

— Почему вы молчали?

— Потому что утром Кирилл принёс карту уже исправленной. Спросил, не ошиблась ли я спросонья. Я сказала, что могла ошибиться.

— А теперь?

— Теперь Семён Петрович лежит в изоляторе, и его карта тоже стала лучше за ночь.

Тамара достала второй лист. Вчерашняя запись об учащённом пульсе была зачёркнута одной линией, рядом стояло «после отдыха — норма». Подпись Кирилла закрывала прежнюю цифру.

— Вы можете вывести Семёна к открытому окну? — спросила Нина.

— Изолятор без окон. Там вытяжка.

— Тогда отключить её.

— Григорий не даст ключ.

Нина посмотрела на Тамару. Рассказать про старый корпус означало дать семье способ уничтожить Лидины отметки. Не рассказать — оставить Семёна под воздействием.

— В старом корпусе у питьевой ниши есть окно, — сказала она. — Если его открыть, гул слабеет. Я повторила несколько раз.

— И всё проходит?

— Не всё и не сразу. Перестаёт нарастать. Это важно: не обещайте людям, что окно их вылечит.

— Лида тоже всё время открывала окна.

— Она говорила почему?

— Что так легче отличить своё от наведённого. Я думала, это образ.

Тамара потянулась к карте, но Нина удержала страницу.

— Кто ещё знает, что вы её спрятали?

— Никто.

— Кирилл пришёл в бельевую сразу после нашей встречи. Вера забрала журнал. Они узнают о разговорах быстро.

— Я не докладывала.

— Тогда кто видел вас?

Тамара вспомнила не сразу.

— Санитар Пётр. Ночной. Он племянник Веры.

Семья была не тремя людьми, сидевшими в кабинете. Она продолжалась должностями, дежурствами и ключами.

В коридоре слышались шаги. Тамара выхватила карту, но ящик уже не казался безопасным.

— Под бельё, — прошептала она.

— Там Кирилл нас и нашёл утром.

Нина открыла шкаф со стерильными банками. За задней стенкой проходила труба, оставляя узкую щель. Карта не помещалась целиком. Разорвать её значило уничтожить порядок записей.

Ручка двери опустилась.

— Тамара? — позвал Кирилл. — Откройте.

— Процедура!

— У кого?

Нина села на кушетку и закатала рукав. Тамара положила карту под лист обёрточной бумаги на подносе, сверху поставила аппарат для измерения давления.

Кирилл открыл своим ключом.

— Я запретил осматривать её без меня.

— У неё головокружение, — сказала Тамара.

— От открытых окон, вероятно.

Он взял манжету из её рук и обернул вокруг плеча Нины. Пальцы у него были холодные. Стрелка манометра поползла вверх.

— Вы нашли то, что искали во дворе? — спросил он.

— Глину на колёсах.

— И что она вам сказала?

— Что машина ездила.

— Значит, хотя бы один факт совпал с нашими словами.

Он выпустил воздух, прислушиваясь к ударам. Нина следила не за стрелкой, а за подносом. Край карты выступал на ширину ногтя.

— Сто сорок на девяносто, — сказал Кирилл. — Пульс девяносто восемь. Вам нужен покой.

— Запишите.

— Обязательно.

— В мою карту. При мне.

Кирилл посмотрел на Тамару.

— Принесите карту Нины Сергеевны.

Тамара не двинулась.

— Она у Веры Аркадьевны.

— Тогда на отдельном листе.

Он взял с подноса обёрточную бумагу вместе со спрятанной картой. Нина успела прижать нижний край локтем.

— Этот лист грязный, — сказала Тамара и резко опрокинула стакан с водой.

Вода разлилась по подносу. Кирилл отдёргнул бумагу, но серый картон намок по краю и открылся.

Он узнал карту сразу.

Никто не заговорил. В коридоре за дверью дважды ударил колокол, приглашая на обед.

— Где вы её взяли? — спросил Кирилл.

Тамара побелела.

— Нашла в архиве.

— Архив заперт.

— Значит, не там.

Кирилл протянул руку.

— Отдайте.

Нина сняла манжету.

— Сначала объясните стёртую запись о пульсе сто восемь и перебоях после цикла.

В его лице впервые появилась не досада, а испуг.

— У Лиды была экстрасистолия. Такое бывает у здоровых людей.

— Тогда зачем стирать?

— Потому что Тамара измерила неправильно.

— Вы только что подтвердили перебои.

Кирилл понял ошибку. Он шагнул к подносу. Нина схватила карту, Тамара встала между ними.

— Я измерила правильно, — сказала медсестра. — И Семёна Петровича вчера тоже.

— Отойдите.

— Нет.

Это короткое слово изменило Тамару сильнее крика. Она всё ещё дрожала, но больше не прятала руки в складках халата.

Кирилл нажал кнопку вызова у двери.

— Сейчас придут санитары.

— И увидят карту, — сказала Нина. — Вы сможете отнять её, но вам придётся объяснить, почему показатели сотрудницы переписывали после воздействия.

— Какого воздействия?

— Того, реакции на которое вы рассчитывали.

Кирилл посмотрел на вентиляционную решётку. В процедурной начинался тихий гул.

— Вы не представляете, что делаете, — сказал он. — Если разнести среди пациентов слово «аритмия», половина почувствует перебои без всякой причины.

— Тогда не будем разносить. Выведем Семёна к открытому окну и измерим до и после.

— Это не эксперимент.

— Конечно. Эксперимент требует согласия.

За дверь загремели ключи.

Тамара открыла форточку. Поток воздуха качнул занавеску, гул стал тише. Она быстро переписала стёртую строку на рецептурный бланк, поставила дату и подпись.

— Я свидетельствую, что запись была моей, — сказала она.

Нина подписала ниже: «Видела следы удаления и первоначальные борозды при боковом свете».

Дверь распахнулась. Вошли два санитар, за ними Вера.

— Карту на стол, — сказала она.

Нина сложила рецептурный бланк вчетверо и спрятала в рукав. Оригинал она положила на кушетку между собой и Верой.

— Здесь исправляли медицинские данные Лиды.

— Карта принадлежит учреждению.

— А показатели — человеку.

Вера взяла карту за сухой угол. Увидела размокший край, поднятые волокна и едва заметные борозды. На секунду её лицо стало усталым.

— Кирилл, ты должен был уничтожить черновик.

Тамара тихо вдохнула. Кирилл отвернулся к окну.

Это было не признание всего, но достаточно для одного вывода: карту переписывали по решению семьи, а не из-за ошибки медсестры.

— Отведите Нину Сергеевну в номер, — сказала Вера санитарам. — Тамара остаётся здесь.

— Она пойдёт со мной.

— Вы не распоряжаетесь персоналом.

Нина увидела, как санитар Пётр встал между Тамарой и открытой форточкой. Если спор затянется, гул усилится. Сохранить свидетельницу сейчас было важнее оригинала, который уже оказался в руках Веры.

— Тамара нужна Семёну Петровичу, — сказала Нина громко, чтобы слышали в коридоре. — У него были перебои пульса после вечернего отдыха. Она единственная не исправила измерение.

У двери остановились люди, шедшие на обед. Вера оглянулась. Запереть медсестру после такой фразы означало вызвать больше вопросов.

— Тамара идёт в столовую, — решила она. — Под наблюдением Петра.

Нина позволила санитарам вывести себя. В рукаве шуршала подписанная копия строки. Она потеряла оригинал, но получила свидетельство Тамары и семейную фразу об уничтожении черновика.

На лестнице Пётр закрыл ближайшую фрамугу. Нина тут же открыла нижнее окно.

— Вера Аркадьевна запретила, — сказал он.

— Тогда пусть запретит воздуху входить.

Тамара, шедшая позади, не улыбнулась. Она лишь задержалась у рамы и сделала два глубоких вдоха. Это было маленькое действие, почти незаметное для остальных, но теперь способ сопротивления знали двое.

Нина не знала, выдержит ли Тамара следующий разговор с Верой. Доверие нельзя было вывести из одного смелого «нет», как диагноз — из одного удара пульса. Но медсестра подписала строку до прихода свидетелей и открыла форточку, понимая последствия. Этого хватало, чтобы дать ей не все улики, а одно проверяемое действие.

Из процедурной вышел Кирилл с серой картой в руках. Он позвал Петра и показал на Нину.

— После обеда переведите её в комнату без окон.

Глава 7. Ночной обход

После обеда Нина не вернулась в номер.

Санитары ждали её у лестницы: Пётр держал связку ключей, второй, незнакомый, — сложенное одеяло и ремни от носилок. Пётр предложил понести её пальто.

— В комнате без окон прохладно, — сказал он. — Пальто пригодится.

— Сначала уборная.

— Там будет умывальник.

— Умывальник — не уборная.

За их спинами из столовой выходили люди. Пётр не хотел устраивать сцену на глазах у постояльцев и кивнул в сторону женского коридора.

— Две минуты.

Нина вошла, заперла дверь и сразу поднялась ногой на низкий подоконник. Окно выходило не наружу, а в застеклённую галерею между главным и лечебным корпусами. Под рамой белела свежая замазка, но шпингалет был старый. Крючок из комнаты 216 вошёл в щель, поддел язычок. Нина распахнула створку, перебралась на пыльный карниз галереи и закрыла её за собой.

Снаружи ещё минуту слышался голос Петра:

— Нина Сергеевна, вам станет только хуже.

Она спрыгнула на пол галереи. Внизу, под мутным стеклом, темнели трубы отопления. Воздух пах мокрой шерстью и железом. До ночи было далеко, но из-за нависших над ущельем туч корпуса уже отражались в стёклах, как вечером.

Нина могла спрятаться в старом крыле и ждать, пока санитары устанут искать. Это сохранило бы свободу на час или два, не больше. Комната без окон означала, что Кирилл понял значение проветривания. Если семья начнёт закрывать рамы и менять режимы, оставшиеся наблюдения Лиды станут бесполезны.

В конце галереи хлопнула дверь. Нина присела за батареей.

Григорий шёл из котельной с холщовой сумкой через плечо. На поясе висел квадратный ключ, в руке он держал дощечку с бумагой под металлическим зажимом. Он остановился у распределительного шкафа, сверился с листом и повернул рукоятку на трубе на четверть оборота. Потом карандашом поставил короткую черту напротив строки.

Не ночной обход, подумала Нина. Подготовка к нему.

Григорий двинулся к лечебному корпусу. Нина выждала, пока дверь за ним почти закрыется, и подхватила её за нижний край.

Он не оглядывался. Люди, уверенные, что постояльцы ждут в назначенных комнатах, редко смотрят назад.

Первой была дверь с табличкой «214». Григорий отпер узкий шкаф рядом с ней, перевернул заслонку с синей риски на красную и приложил ладонь к трубе. На листе Нина увидела только верхнюю строку: номер, два времени и букву, похожую на «Д».

Из комнаты донёсся смех. Женщина смеялась одна, коротко и всё быстрее, будто старалась поддержать чужую шутку.

Григорий постучал.

— Всё хорошо?

— Прекрасно, — ответила женщина. — Просто прекрасно.

Он поставил отметку и пошёл дальше.

У номера 219 заслонка стояла на жёлтой риске. Григорий перевёл её на синюю. За дверью мужчина раздражённо потребовал оставить его в покое. Смотритель не удивился и записал ещё одну черту.

Нина держалась через два поворота, пользуясь нишами для бельевых тележек. Теперь она различала устройство листа. В левой колонке были номера комнат, в средней — цвет риски или положение заслонки, в правой — время проверки. Рядом стояли одиночные буквы. Не названия чувств — условные режимы.

На лестничной площадке Григорий неожиданно остановился. Нина успела открыть дверь кладовой и встать за ней. Внутри лежали мешки с содой, стояла щётка на длинной ручке. Через щель она увидела, как он снял со стены внутренний телефон.

— На втором нет, — сказал он. — Пётр ищет в женском. Нет, окно в переходе закрыто... Я проверю низ.

Он повесил трубку и вернулся тем же путём.

Нина прижалась к стене. Если он откроет кладовую, бежать будет некуда. Но шаги прошли мимо. Григорий спускался в нижний этаж, где коридор соединял лечебные кабинеты со старой водолечебницей.

Она последовала за ним.

Здесь окна начинались под потолком и были затянуты проволоочной сеткой. Облицовка менялась: бирюзовая плитка уступала серой, мелкой, с тёмными швами. Гул ощущался не ушами, а грудной клеткой. Григорий открывал шкафы, поворачивал заслонки и каждый раз отмечал положение.

У комнаты 107 он задержался дольше. Сначала выставил красную риску, затем посмотрел на лист и вернул рукоять к жёлтой.

— Велено красную, — сказал за спиной Пётр.

Нина замерла за поворотом.

— На красной старик опять дверь вышибет, — ответил Григорий.

— Кирилл Павлович сказал, после восьми.

— Кирилл Павлович сам потом петли поставит?

— Запиши красную. А поставишь после восьми.

Пётр подошёл ближе. Нина слышала, как звякнули две связки ключей.

— Веденеева здесь не проходила?

— Я тебе сторож?

— Она через уборную ушла. Вера Аркадьевна велела найти до вечернего отдыха.

— Значит, ищи.

Пётр выругался вполголоса и ушёл вверх. Григорий ещё несколько секунд стоял у шкафа, затем перечеркнул отметку и написал новую.

Союзником это его не делало, но семейный порядок исполнялся не без трения.

Следующие двери шли без номеров. На их месте были белые прямоугольники от снятых табличек. В списке, однако, номера оставались: 104, 103, 102. Напротив 103 стояла буква «С» и три красные черты. Григорий перевёл заслонку на чёрную риску, которой не было на верхнем этаже.

Нина насчитала про себя шаги от лестницы и зарисовала расположение пальцем на пыльной стене. Запомнить весь лист она не сможет. Нужно было увидеть его в покое хотя бы полминуты.

У дальней двери Григорий поставил сумку на пол и полез внутрь шкафа обеими руками. Дощечку положил на батарею.

Нина сняла туфли. В чулках прошла вдоль стены, протянула руку и приподняла верхний край листа.

Таблица была разделена на два обхода: «18:00» и «22:30». Она прочла сверху вниз:

«214 — Ж/К — Д».

«219 — С — Р».

«107 — К — Я».

«103 — Ч — С».

«Б/н вост. — Ч — В».

Ниже шли комнаты главного корпуса: 216 была зачёркнута, рядом вписано «перевод Б/н зап.», режим «Ч», буква «С».

Комната без номера в западном коридоре предназначалась ей. Та же чёрная риска, что у 103-й, но другая последняя буква.

Нина вытащила блокнот из-под юбки и переписала пять строк. На шестой карандаш сломался.

Григорий перестал возиться с заслонкой.

Она вернула лист и отступила, но до поворота было далеко. Слева тянулся узкий проход с табличкой «Служебный». Нина толкнула дверь, проскользнула внутрь и нащупала за собой задвижку.

Проход оказался длинным коридором без окон. По обеим сторонам серела всё та же мелкая плитка. В конце горела одна лампа под металлической сеткой. Дверь за Ниной открылась на ладонь и упёрлась в задвижку.

— Выходите, — сказал Григорий.

Нина молчала.

— Я видел ваши туфли под батареей.

Она посмотрела на босые ноги и едва не рассмеялась. Не ловушка семьи, не хитрый расчёт — собственная торопливость.

— Что означает буква «С»? — спросила она через дверь.

— Служебное.

— А «Я» — ягодное?

Григорий нажал сильнее.

— Вам велели сидеть в комнате.

— Мне велели испытывать чёрный режим. Вы хотя бы знаете, что он делает?

— Я знаю трубы.

— У Семёна после ваших труб сбился пульс.

— Я не врач.

— Очень удобное разделение. Кирилл считает режим, вы ставите заслонку, Тамара мерит сердце, Вера исправляет карту. Никто не отвечает за целое.

Дверь перестала дрожать.

— Откройте, — сказал Григорий тише.

— Сначала скажите: чёрная риска — больше воздуха или меньше?

— Не воздуха.

Он произнёс это прежде, чем успел остановиться.

— Тогда чего?

— Откройте.

Нина отступила от двери. В другом конце коридора обнаружилась вторая, обитая клеёнкой. Она дёрнула ручку — заперто. Рядом в стене была вентиляционная решётка, но ни одной трубы отопления. Воздух казался сухим и холодным. Если правила облицовки сохранялись, воздействие не должно было нарастать.

Снаружи щёлкнул квадратный ключ.

Гул пришёл снизу. Сначала Нина приняла его за движение воды, потом почувствовала знакомое биение: низкий тон раздваивался, две волны то совпадали, то расходились. За серой плиткой прошёл едва заметный треск.

— Григорий!

Ответа не было.

Она бросилась к первой двери. Задвижка легко ушла в сторону, но ручка больше не поворачивалась. Григорий запер её снаружи.

Нина достала крючок и попыталась нащупать язычок замка. Здесь коробка была закрыта стальной накладкой. Между дверью и косяком не проходил даже ноготь.

Гул усилился.

Сердце ответило раньше мысли: тяжёлый удар, пауза, два быстрых. Нина приложила пальцы к шее и сосчитала. Ритм выровнялся, но в животе уже возникло холодное, беспричинное знание, что она сделала что-то непоправимое.

Она записала в блокноте: «Коридор без окон. Холодно, сухо. Гул включён после запира-ния. Начало — примерно 17:20. Первая реакция: вина без предмета».

Последние слова казались нелепыми. Вина всегда имела предмет. Если ей плохо, значит, память просто не решалась назвать его.

Мать.

Мысль появилась готовой, как подпись под фотографией.

Нина увидела кухню в их старой квартире: мать сидит у стола, не снимая пальто, и говорит, что соседи передают сообщения через батареи. Лида тогда была маленькой и стояла в дверях. Нина, двадцатилетняя, вызвала врача. Мать увезли. Через неделю она отказалась разговаривать с обеими дочерьми.

Это была настоящая память. Стена не могла вложить её. Но тяжесть в груди требовала не вспомнить, а вынести приговор: предала, избавилась, испугалась наследства больше, чем любила человека.

Нина перечитала запись. «Вина без предмета». Почерк выглядел чужим, слишком ровным.

Она ударила крючком по плитке. Звук получился глухой. Ещё раз — звонче. За облицовкой чередовались пустоты, но вскрыть шов голыми руками было невозможно. В конце коридора под дверью тянулась узкая полоска воздуха. Нина легла на пол и вдохнула. Пахло карболкой. Свежего холода не было.

— Есть кто-нибудь? — крикнула она.

За второй дверью что-то скрипнуло.

— Лида?

Тишина.

Имя сестры сразу нашло для вины новый предмет. Нина слишком долго не отвечала на письма. Считала Лидину тревогу очередным семейным страхом. Приехала только после телеграммы, потому что телеграмма выглядела доказательством, а письма — переживаниями. Пока она проверяла время рейса и состав плитки, Лиду могли держать за этой дверью.

Нина вскочила и забарабанила по клеёнке.

— Лида! Это я!

Никто не ответил. Зато гул на мгновение совпал сам с собой, и коридор словно сжался. Воздуха хватало, но вдох не завершался. Пульс перескочил через удар. Колени ослабли.

Она заставила себя сесть, чтобы не упасть, и провела в блокноте две колонки.

«Факт: я получила письма».

«Объяснение: я бросила её».

«Факт: за дверью был звук».

«Объяснение: там Лида».

«Факт: воздействие началось после гула».

Карандаш снова сломался. Нина стала царапать бумагу обломком грифеля.

В коридоре не было окна, тепла и заметной влажности. Значит, либо её правило было неполным, либо чёрный режим подавал к облицовке что-то иначе. Она прикоснулась щекой к плитке. Та оставалась холодной, но шов был влажным. Не воздух — сказал Григорий.

По внутреннему каналу в стену могли подавать тёплую воду или пар, не нагревая весь коридор сразу.

Нина сняла с волос металлическую шпильку и расчистила шов. Из-под крошки выступила прозрачная капля. Палец тут же стал скользким. Влажность была внутри.

Она записала: «Чёрная риска, вероятно, подача в стену, не вентиляция. Проверить».

Слово «проверить» удержало её лучше, чем попытка убедить себя в невиновности. Виновность нельзя было измерить сейчас. Подачу — можно.

За первой дверью повернулся ключ.

Нина спрятала блокнот под пояс и встала сбоку. Дверь приоткрылась. В щели показалось лицо Петра.

— Нагулялись?

Она толкнула дверь плечом, но он удержал её и быстро захлопнул. Снаружи засмеялись двое.

— Через час будете просить прощения, — сказал Пётр. — Тут все просят.

— Так и называется? Коридор стыда?

Смех оборвался.

— Кто вам сказал?

Нина не знала названия. Она дала чувству первое подходящее имя и попала.

— Лида.

За дверью зашептались. Потом Пётр спросил:

— Где она?

Нина подошла вплотную.

— Значит, вы знаете, что она не уехала.

Ключ резко повернулся. Шаги удалились.

Нина опустилась на пол. Маленькая победа не ослабила воздействия. Напротив, теперь вина подсказывала, что она напрасно произнесла имя сестры, выдала семье её присутствие, погубила единственную возможность найти.

Она знала происхождение этого чувства. Знание не отменяло ни дрожи, ни тошноты, ни мучительной убедительности каждого обвинения.

На листе обхода было две комнаты с чёрной риской: безымянная восточная и та, куда собирались перевести Нину, западная. Но её заперли в служебном коридоре между ними. Возможно, буква «С» означала не стыд, а состояние; «В» у восточной — другое. Список связывал номера не с пациентами, а с режимами.

Нина повторила пять переписанных строк вслух, чтобы не дать им раствориться:

— Двести четырнадцать, жёлтый на красный, «Д». Двести девятнадцать, синий, «Р». Сто семь, красный, «Я». Сто три, чёрный, «С». Без номера, восток, чёрный, «В».

После третьего повторения буквы перестали быть обвинениями и снова стали данными.

Гул вошёл в новое совпадение. Сердце ударило с перебоем так сильно, что боль отдала в горло. Нина легла на холодный пол и прижала ладонь к груди. Перед глазами потемнело.

Она успела подумать не о том, что сходит с ума, а о стёртой строке Лиды: сто восемь, перебои после цикла.

Потом коридор погас.

Глава 8. Чужая вина

Свет погас, но гул остался.

Нина лежала на боку и слушала собственное сердце. После сильного перебоя оно билось часто, будто пыталось наверстать пропущенный удар. Во рту появился железный вкус. Она не знала, теряла ли сознание, и не могла проверить время: часы остались в номере.

В темноте коридор стал похож на материнскую прихожую. Стоило закрыть глаза, и возникала полоска света под кухонной дверью, пальто на спинке стула, голос из-за стены: «Ты ведь тоже слышишь». Нина тогда ответила «нет» слишком резко. После этого мать перестала доверять ей раньше, чем врачам.

Память была настоящей. Приговор — нет.

Она произнесла вслух:

— Я вызвала врача. Я не могла знать, что будет дальше.

Фраза не помогла. Вина немедленно нашла возражение: могла остаться в больнице, могла забрать Лиду, могла читать письма внимательнее. На каждый довод возникал следующий. Коридор не внушал факты — он превращал любой факт в обвинение, которому нельзя дать достаточного ответа.

Значит, спорить с ним было бесполезно.

Нина перевернулась на спину и заставила себя перечислить то, что находилось здесь, сейчас: холодный пол под лопатками; влажный шов у правой стены; гул с периодическим совпадением волн; две запертые двери; решётка у пола; шпилька; крючок; блокнот; туфли остались снаружи.

На слове «туфли» ей захотелось плакать. Мать ругала её за то, что она всюду ходит босиком и простудится. Чужое воздействие пользовалось даже этой мелочью.

Нина села. Тошнота усилилась, но темнота перестала быть квартирой и снова стала служебным коридором.

Она ощупью добралась до расчищенного шва. Капля выросла и стекла по плитке. Внутри стены шло увлажнение. Открытое окно разрывало и воздушный поток, и гул; здесь окна не было, однако воздействию всё равно требовалось сочетание условий. Если нельзя вывести влагу наружу, можно перекрыть её подачу или дать ей вытечь до облицовки.

Решётка у пола держалась на четырёх винтах. Крючок не подходил к шлицам. Шпилька гнулась. Нина сняла металлическую пряжку с ремня блокнота и вставила угол в верхний винт. Тот не двигался.

Она налегла всем весом. Пряжка резала ладонь. Винт скрипнул и повернулся на долю оборота.

Гул сошёлся, и коридор снова потребовал остановиться. Не искать выход, а признать наконец, что все беды семьи начались с неё. Она уехала учиться. Оставила Лиду с матерью. Выбрала стены, которые можно измерить, вместо людей, которым надо верить.

Нина отпустила пряжку.

Пальцы дрожали. На ладони выступила кровь — тонкая дуга, не опасная, но убедительная. В таком состоянии легко было принять боль за наказание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.